Первая печать

Автор:
Наталия Осояну

Первая печать

Наталия Георгиевна Осояну

Дети Великого Шторма (АСТ)

Этот мир поделили между собой три народа: люди, дьюсы и фаэ. Всякая рукотворная вещь в нем пробуждается, если ее не сдерживать печатью, и всякая сущность, связанная с живой и неживой природой, может оказаться разумной, могущественной и весьма коварной. По его необъятным и опасным просторам странствует человек, чьи глаза и правая рука выглядят так, будто сделаны из золота. Он повсюду чужак, и его не боятся лишь те, кому нечего терять. Никто не в силах объяснить, притягивают ли странного путешественника неприятности, или же он притягивает их. Ему открыты все пути, он способен разгадать любую тайну и подобрать ключ к любому замку, пусть даже за это придется заплатить страданием.

Его зовут Теймар Парцелл, и это – его история.

Наталия Осояну

Первая печать

В оформлении обложки использована иллюстрация Максима Никифорова

Издательство благодарит литературное агентство «Банке, Гумен и Смирнова» за содействие в приобретении прав на книгу

© Наталия Осояну, текст, 2022

© Максим Никифоров, обложка, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Наталия Осояну родилась в 1981 году в Кишиневе. Окончила юридический факультет и занялась изучением международного права. Переводит фантастику с английского – за что в 2017 году получила награду Европейского общества научной фантастики (EuroCon – ESFS Awards) как лучший переводчик, – а также сочиняет собственные истории, в которых почти всегда присутствует море.

* * *

«Так читаются волшебные сказки о дальних странах, где мы никогда не бывали».

Мир фантастики

«…роман напомнил темный старый чердак, в который сквозь многочисленные щели пробивается солнечный свет. Оказавшись на таком чердаке, ты словно переносишься в странный мир, в котором оживают старые вещи, полно темных углов, а свет, косыми лучами разрезающий мрак, кажется особенно притягательным».

Лаборатория фантастики

Часть I

Зимняя стужа

Пролог

День был ясным и спокойным, но ближе к вечеру с окрестных гор в долину спустилась снежная буря и устроилась на ночлег. Еще до того, как она обрушилась на Визен, жители этого небольшого городка успели основательно подготовиться к приходу незваной гостьи: крепко заперли ставни, разожгли поярче огонь в очагах и запаслись лопатами на случай, если снега наметет слишком много. Хуже всех пришлось престарелому смотрителю визенского маяка: потирая больную спину, он взял фонарь и отправился на вершину башни, чтобы сменить цвет стекол в ее окнах с зеленого на красный, означавший «опасность». Смотритель по опыту знал, что настоящая опасность для воздухоплавателей возникнет лишь через несколько дней, когда махолеты потянутся целыми караванами на Зимнюю ярмарку в Керлене, а до тех пор погода должна была исправиться… Но порядок есть порядок.

Он поднялся по скрипучей темной лестнице и вошел в маленькую круглую комнату, посреди которой днем и ночью горело холодное белое пламя. Снаружи завывал ветер, а внутри царили сквозняки; огонь же совсем не грел, потому что знаки, покрывавшие очаг, приказывали ему лишь светить. Смотритель поставил на пол фонарь и вдруг понял, что забыл листочки с печатями на столе в своей комнате. Такого с ним раньше не случалось… Хотя, может, он и об этом успел позабыть? Сокрушенно вздохнув, старик снял с пояса пенал, в котором лежали кисть и маленькая чернильница с плотно завинчивающейся крышкой. Давным-давно – сколько кистей стерлось с той поры? – предыдущий хозяин маяка подарил эту чернильницу своему юному ученику и строго-настрого наказал не расставаться с нею. Что ж, этот совет не раз оказывался полезным.

Теперь следовало обойти все окна и на каждом нарисовать печать согласно той стороне света, куда оно было обращено. Эти печати за годы службы стали для смотрителя чем-то вроде закадычных приятелей, он узнавал их не только по виду, но и по характеру: Южная сплошь состояла из извилистых линий, напоминавших о морских волнах, плескавшихся где-то далеко; Западная ершилась ветками сосен и вздымала к небу крутые пики меловых утесов;

Восточная блистала острыми гранями драгоценных камней, а Северная походила на один из тех узоров, что рисует на стекле сама госпожа Зимняя Стужа. Смотритель мог нарисовать эти печати в кромешной тьме и под палящим солнцем, левой рукой и кистью, зажатой в зубах.

На недолгое время удалось забыть о спине. Черная тушь на льдисто-зеленых стеклах быстро выцветала, но в нижней части окон уже зарождался тревожный багрянец: те, кто идет с севера, востока и юга, должны были его заметить и повернуть назад, сигнализируя по дороге всем встречным, что в Визене бушует стихия и сейчас туда лучше не соваться. Оставалось лишь северо-западное окно, когда вероломная боль сверлом вгрызлась в поясницу и смотритель чуть не выронил кисть.

– Проклятье… – пробормотал старик. – Как некстати…

На то, чтобы помассировать больное место, а потом с трудом разогнуть спину, ушло несколько минут, а их ценой вполне могла оказаться чья-то жизнь. Смотритель, мрачнея, нарисовал последнюю печать. Что-то исправить было уже невозможно, и он просто ушел, едва не позабыв фонарь, чей огонек в присутствии белого пламени маяка присмирел и затаился.

Само же пламя, оставшись в одиночестве, продолжало равнодушно гореть.

1. Золотые глаза

Вечер выдался на редкость суматошный, хотя вся суматоха выпала на долю Дженны, а Ивер сидела у окна и притворялась, будто рассматривает морозные узоры на стекле. Вышло так, что все восемь пассажиров отставшего от расписания махолета решили поселиться в гостинице «Горицвет». И это как раз в тот день, когда родители Дженны и Ивер отправились в Керлен по делам, повар Тилли наконец-то получил выходной, который слезно вымаливал вот уже недели две, а обе горничные дружно заболели и на работу не явились. В общем, Дженне пришлось самой расселять постояльцев, готовить им ужин, да еще и успокаивать их, говоря, что разыгравшаяся непогода не столь страшна, как кажется на первый взгляд.

– Опасности нет, – раз за разом повторяла Дженна, нервно потирая ключ-кольцо. – Так бывает в наших краях, это всего лишь буря! К утру она притихнет, вот увидите!

Ну да, конечно. Ивер мрачно усмехнулась. Всего-то месяц назад во время такой же «всего лишь бури» подмастерье мэтра Клауса, визенского портного, насмерть замерз в квартале от лавки, да и вообще этой зимой ледяные фаэ лютовали как никогда…

На стекле расцветали ледяные ромашки – гнули тонкие стебли под холодным ветром, упрямо тянулись к невидимому солнцу. За спиной Ивер постояльцы устраивались в общем зале, явно собираясь коротать вечер в компании друг друга; впрочем, ненастная погода всегда сближает даже совершенно чужих людей. У камина сидел щуплый старик, чьи редкие седые волосы были стянуты в мышиный хвост, а одежда поражала обилием карманов и складок; он меньше всех донимал Дженну расспросами о погоде, зато курил трубку, и от странно пахнущего дыма щипало глаза тем, кого угораздило оказаться поблизости. Широкоплечий верзила, в котором по осанке можно было признать бывшего солдата, все пытался разговорить другого постояльца, высокого и худого человека в черной одежде, но тот лишь хмурил брови и отвечал односложно, с видимой неохотой. Поодаль расположились юноша и девушка – оба светловолосые, красивые и какие-то неземные; они переговаривались вполголоса и почти не разнимали рук, словно были прикованы друг к другу цепью. Судя по многослойным шелковым одеяниям, украшенным изображениями птиц и цветов, эта пара прибыла откуда-то с летающих островов – и что только они потеряли в такой глуши, как Визен? Еще двое постояльцев, хорошо знакомые Ивер братья-торговцы Томас и Тоби по прозвищу Рыжий, играли в карты, а вот последний гость оказался настоящей загадкой: он все время прятался в дальнем углу и как будто спал сидя, вытянув длинные ноги в потрепанных сапогах и низко надвинув капюшон, под которым лица не было видно вовсе. Он явился в гостиницу последним, и Ивер заметила, как Дженна то и дело поглядывает на странного гостя с опаской: от таких молчаливых путников можно было ждать чего угодно.

Через десять дней начиналась Керленская ярмарка, а это означало, что вскоре гостиница заполнится, но от желающих снять номер все равно отбоя не будет, и Дженне придется каждому объяснять: мест нет. Ивер давно мечтала побывать на ярмарке и испытывала странное чувство всякий раз, провожая взглядом очередной махолет, направлявшийся в сторону Керлена: как будто само время

уходило, улетало прочь. Если бы матушка не болела каждую зиму, если бы им не приходилось так много денег тратить на лекарства, если бы Дженна не была все время занята… «Даже не думай! – отрезала старшая сестра, когда Ивер заикнулась о том, что хотела бы поехать в Керлен сама. – Пока тебе не исполнится восемнадцать, из Визена ни ногой!» Этой зимой Ивер отпраздновала свой двенадцатый день рождения. Терпеть оставалось еще шесть бесконечно долгих лет, да разве Дженне, двадцатичетырехлетней старухе, это объяснишь?..

Задумавшись, Ивер не заметила, как начала рисовать на стекле, выводя витиеватые узоры: лед плавился от тепла, а потом дорожка, которую оставлял ее тонкий палец, вновь покрывалась прозрачной коркой. Линия… еще одна… и еще… Нарисованное Ивер существо, похожее то ли на бабочку, то ли на стрекозу, с еле слышным скрипом развернуло крылья и приготовилось взлететь, но тут девочка спохватилась и начала торопливо стирать рисунок, не обращая внимания на протестующий писк дьюса. Еще не хватало, чтобы Дженна или кто-то из постояльцев увидели, что она делает. Выговором не отделаешься, придется целую неделю мыть посуду.

– Ну давай же, давай! – бормотала Ивер, но рисунок никак не хотел уходить в небытие. – Исчезни!

Иней крошился, осыпался оплавленными чешуйками, и наконец посреди ледяной ромашковой лужайки появилось окошко размером с ладонь – за ним бушевала метель. Не было видно ни улицы, ни соседних домов, и даже маяк еле-еле просматривался посреди снежной круговерти.

Отчего-то его огонь был сегодня ниже, чем обычно. И порою казалось, что он…

– Движется! – С грохотом опрокинув табуретку, девочка вскочила, и тотчас же все взгляды устремились на нее. – Он движется! Дженна, там махолет!

Наступила тишина. Ивер смешалась: секунду назад она не сомневалась, что видела именно махолет, но теперь догадка показалась невероятной. Огонь? Это вполне мог быть мираж, один из опасных фокусов снежных фаэ – они чего только не придумают, чтобы заманить путников в ловушку. И все-таки видение, посетившее ее лишь на краткий миг, было слишком живым и подробным: огромные когтистые лапы сжимают стрекозу из дерева и металла, а та лишь беспомощно трепыхается, ломая хрупкие крылья, и ее волшебные сияющие

глаза вот-вот погаснут.

Дженна подошла, перевернула табуретку и только после этого выглянула в окно. Против всех ожиданий Ивер, махолет она увидела сразу и сказала, сердито нахмурив брови:

– Надо же! Опять он опоздал зажечь красный сигнал…

– Что там случилось, хозяйка? – спросил тот постоялец, которого Ивер мысленно окрестила Верзилой. – О ком ты так неласково?

– Похоже, наш смотритель маяка не успел вовремя сменить зеленый огонь на красный, и какого-то летуна схватила буря, – ответила девушка. – Скверно! Он вот-вот упадет, а на поле-то сейчас нет никого. В непогоду тамошний люд всегда по домам прячется, уж сколько их ругали – все без толку…

– Я пойду туда! – С этими словами постоялец решительно направился к двери, но дорогу ему преградил старик, чья трубка продолжала исправно дымить.

– Не стоит торопиться, друг мой! – наставительно произнес он скрипучим голосом. – Или вы забыли, что происходит снаружи? Смею напомнить, там разыгрался буран.

– Предлагаешь сидеть тут, греться у очага? – неприязненно спросил Верзила, складывая руки на груди. Он был на добрых две головы выше ростом и угрожающе нависал над стариком, но тот не дрогнул, не отступил. – Предлагаешь спокойно отдыхать, пока там кто-то погибает?!

– А вам так не терпится замерзнуть, молодой человек? – поинтересовался старик, не скрывая иронии, и «молодой человек» тотчас же рванулся вперед, будто желая на ходу отбросить настырного незнакомца… да так и застыл на полусогнутых ногах и с вытянутой рукой, разинув рот от удивления. Миг спустя он безвольным мешком рухнул на пол и застонал. На широкой груди поверженного Верзилы белела узкая полоска бумаги с нарисованным черной тушью замысловатым знаком – печатью.

– Печатник! – громко прошептал кто-то, и старик улыбнулся краем рта.

Ивер не верила своим глазам: и это печатник? Тот, кому подвластны создания рук человеческих, дьюсы? Тот, кто может взмахом руки изменить сущность любой рукотворной вещи?!

– Да не смутит никого в этом зале моя скромная внешность! – сказал маг, будто прочитав ее мысли. – Я мэтр Арно, печатник… Есть и грамота из Гильдии, ежели хотите проверить истинность моих слов. Она наверху, в сундуке. Но давайте-ка отложим представления с расшаркиванием на потом, ибо там, снаружи, погибает какой-то несчастный! Кто готов мне помочь?

Вызвались двое – светловолосый юноша и человек-загадка, до сих пор сидевший в углу. Когда этот незнакомец подошел ближе и откинул капюшон, Ивер невольно вздрогнула: ей еще не приходилось видеть такого странного лица – жесткого и напрочь лишенного выражения, будто деревянная маска, сработанная на редкость бестолковым подмастерьем. Но глаза у него были живые и ясные.

– Прекрасно! – воскликнул маг и взглянул на Верзилу. Невидимые путы, сковывавшие того по рукам и ногам, исчезли, бедолага наконец-то смог пошевелиться.

– Меня посчитайте… – проворчал он, опасливо косясь на старика-печатника, но тот спокойно кивнул, словно позабыв, что всего лишь несколько минут назад здоровяк обошелся с ним весьма непочтительно.

Больше никто не откликнулся на призыв мэтра Арно: торговцы уткнулись в карты и делали вид, что окружающего мира вовсе не существует, а человек в черном возмущенно фыркнул, будто услышал в предложении печатника что-то оскорбительное.

Маг, зажав трубку в зубах, ловко вытряхнул из левого рукава чернильницу на цепочке, из правого – тонкую черную кисточку, а затем нарисовал на груди и на спине каждого из своих спутников печати, которые должны были, по его словам, на время защитить их от холода и ветра.

– На время! – повторил он, отступив на шаг назад, будто желая полюбоваться делом своих рук, хотя на самом деле замысловатые знаки почти сразу выцвели. – Надо действовать быстро, а то придется уже нам просить о помощи!

От «Горицвета» до взлетного поля было рукой подать, но, когда приоткрыли входную дверь и внутрь ворвалась буря, Ивер вдруг сделалось очень страшно: а если она ошиблась? Если там вовсе не махолет, а что-то другое, что-то опасное?..

Четыре человека шагнули за порог и исчезли.

Ивер приникла к оконцу посреди ледяного луга, которое уже подернулось тонкой корочкой, но все еще позволяло увидеть тот самый огонек – он по-прежнему сражался с бураном, сражался в полном одиночестве и без надежды на победу.

– Держись! – пробормотала девочка, прижимаясь щекой к холодному стеклу в тщетном усилии хоть что-то разглядеть в белой мгле. – Держись, пожалуйста!

Она так увлеклась, что даже не почувствовала, как корни ледяных цветов начали щекотать кожу, подыскивая себе новое местечко для жизни.

Огонек мигнул в последний раз и пропал. Прошла целая вечность до того, как входная дверь отворилась, впустив пять фигур, покрытых снегом с головы до ног.

Пять?!

– Хозяйка, вина подогретого, да быстрее! – громогласно заявил Верзила с порога и потащил к камину незнакомца, который еле переставлял ноги.

Ивер, едва успев разглядеть на вновь прибывшем летную куртку и очки, ринулась на кухню, опередив Дженну. Руки делали привычную работу, а мысли неслись вперед и вперед, словно стайка бойких воробьев. Пилот! Интересно, хоть кто-нибудь скажет ему, что это она увидела падающий махолет? Сложно представить, что стало с машиной… Впрочем, если бы та разбилась, он не сидел бы сейчас, живой и здоровый, в общем зале «Горицвета». Так, быть может, заслуги Ивер в его спасении вовсе нет?..

Дженна подошла неслышно, взяла поднос, на котором дымилась большая кружка горячего вина. На протестующий возглас Ивер старшая сестра не

обратила ни малейшего внимания.

– Иди в зал, – сказала она вполголоса. – Только не вздумай уронить еще что-нибудь, я буду ругаться!

Забрала поднос и ушла, не дожидаясь ответа, – не увидела даже, как Ивер показала ей язык. Дженна-зануда, Дженна-язва! С детства была такой, потому и замуж не вышла до сих пор…

Когда Ивер вернулась в зал, постояльцы, собравшись вокруг камина, слушали историю о чудесном спасении нового гостя. Увы, эта история как раз подошла к финалу. Девочка досадливо прикусила губу: что ж, сама виновата.

– …Проще говоря, мне повезло, – проговорил пилот слабым голосом. – У самой земли как будто чьи-то руки подхватили и опустили мягко, аккуратно. Всего лишь левое крыло сломал, а его отремонтировать нетрудно.

– Так что же, огонь на башне вообще не горел? – поинтересовался мэтр Арно. Печатник расположился на прежнем месте, покуривая трубочку так безмятежно, словно ему не приходилось вставать и отправляться на заснеженное взлетное поле, чтобы спасать кому-то жизнь.

– Не горел, – ответил пилот.

Он сидел в кресле напротив, уронив голову на руки, и его короткие волосы, мокрые от растаявшего снега, торчали во все стороны. На затылке виднелся ремешок летных очков – должно быть, подумалось Ивер, бедняга еще не пришел в себя после столь чудесного спасения, раз не снял их первым делом вместе с черными кожаными перчатками.

– Его как будто что-то заслонило, – продолжил незнакомец. – Такая плотная туча, как… как толстое покрывало. Это странно, потому что огни маяка должны быть видны в любую погоду, даже в сильную метель. Впрочем, о чем я говорю? Вы это знаете лучше всех, господин печатник.

Арно от удивления чуть не выронил трубку.

– Вот это да! – проговорил он, восторженно оглядывая собравшихся, будто призывая их в свидетели некоего удивительного события. На самом деле никто, включая Ивер, не понял, что такого необычного было в словах пилота, но маг развеял их недоумение: – Вы что же, сразу поняли, кто из нас четверых печатник?

– Я просто увидел… – Пилот как-то неопределенно взмахнул рукой и поднял голову.

Его узкое лицо было очень бледным, словно бесцветным; темные очки на кожаном ремешке плотно врезались в щеки и лоб, скрывая глаза. Однако Ивер ощутила на себе его взгляд и вдруг почувствовала, что в зале становится очень жарко.

«Что происходит?!»

– О-о, спасибо! – воскликнул незнакомец и схватил чашку с вином, будто не заметив, что она горячая. Может, не почувствовал из-за перчаток? Девочка окончательно растерялась. – Спасибо… – повторил пилот и, отхлебнув вина, прибавил: – Впору поблагодарить снежных фаэ за то, что привели меня в такое милое местечко.

Дженна принялась уверять гостя, что не стоит перехваливать «Горицвет» – дескать, во время бурана и шалаш покажется королевским дворцом, – а Ивер ошеломленно глядела то на нее, то на незнакомца. Неужели никто не замечает, что этот странный человек пьет обжигающе-горячее вино, щедро сдобренное перцем, словно холодную воду?!

– Я ваш должник, – с улыбкой проговорил пилот и опять повернулся к печатнику. – А уж вы и ваши друзья, мэтр…

– Друзья?! – рассмеялся маг. – Да мы едва знаем друг друга! Я-то успел представиться, а вот мои спутники… Не находите ли, многоуважаемые, что сейчас настал подходящий момент для более близкого знакомства?

– Можете звать меня Гром, – прогудел Верзила. Прозвище то было или настоящее имя, но подходило оно ему как нельзя лучше.

– Я Марк, – мелодичным голосом проговорил светловолосый юноша, вновь воссоединившийся со своей спутницей, которая поглядывала на собравшихся с опаской, будто недавно прирученный дикий зверек. – А это моя сестра Белла.

– Карел, – сухо представился человек, чье лишенное эмоций лицо все еще пугало Ивер.

На этом знакомство случайных попутчиков не окончилось: свои имена сообщили торговцы, а хмурый мужчина в черном назвался Симоном и, помедлив, предложил новому постояльцу свои услуги – он был лекарем.

– Нет, благодарю, – ответил пилот и, в два глотка осушив чашку, поставил ее обратно на поднос. – Меня зовут Теймар Парцелл. Я… э-э… скажем так, путешественник.

– Точнее, бродяга? – насмешливо уточнил Симон, но его никто не услышал.

– Парцелл? – повторил Арно, нахмурившись. – Где-то я слышал эту фамилию. Хм… что-то никак не припомню… Мы раньше точно не встречались? Если бы я смог увидеть ваше лицо, то…

– Вы бы меня никогда не забыли, – сказал пилот с коротким смешком.

Странная фраза будто повисла в воздухе, а потом случилось нечто, заставившее всех, кроме печатника и Ивер, отшатнуться в испуге, причем девочка не пошевелилась именно потому, что страх сковал ее по рукам и ногам.

Теймар снял очки.

– Ох, Создатель! – почти что взвизгнул Симон, отпрыгивая в сторону от Парцелла, будто на месте пилота появилась ядовитая гадина. – Грешник! Исчезни, адово отродье!

– Исчезнуть? – переспросил с ухмылкой Парцелл. На его бледном лице сияли искусственные глаза – полностью золотые, без белков. Грешник… Ивер зажмурилась, пытаясь удержать внезапные слезы: тот, кого она спасла, не был человеком… точнее, уже не был. – Боюсь, не получится. По крайней мере, до

окончания бури вам придется меня потерпеть.

Благодушное настроение собравшихся исчезло без следа. Симон не пытался скрыть своего отвращения, а остальные попросту боялись приближаться к грешнику, который по-прежнему сидел в кресле и спокойно наблюдал за ними… ох, нет. Ивер сглотнула, ощутив, что Парцелл смотрит именно на нее, хотя это и не было заметно сразу: из-за отсутствия зрачков направление взгляда угадывалось лишь приблизительно.

– Оч-чень любопытно, – проговорил мэтр Арно. Волнение печатника выдавала лишь внезапно погасшая трубка. – Встречались мне искусственные пальцы, ноги, руки, даже уши… но вот глаза вижу впервые. Тонкая работа, ничего не скажешь. Хотелось бы знать чья.

– Одного ныне покойного мастера, – ответил Парцелл. – Из тех, кто приближался к Цитадели семи печатей едва ли на расстояние пушечного выстрела.

– Это я и сам понял, – хмыкнул маг. – Ладно, имя ты мне так просто не выдашь, но…

– Да что вы с ним церемонитесь?! – не выдержал Симон. – Выкинуть его отсюда, и все! Я не стану жить под одной крышей с этой тварью!

– А вот я тебя сейчас сам выкину! – вдруг прорычал Гром и схватил лекаря за шиворот. – Ну? Или так пойдешь?

– Отпустите его! – сказала Дженна; ключ-кольцо на ее руке полыхнуло, и на мгновение все ощутили внимательный взгляд дьюса, духа гостиницы. Верзила повиновался с явной неохотой. – У нас еще никогда не было драк. Я никого здесь насильно удерживать не хочу, но и выгонять людей на улицу не стану.

– Людей?! – презрительно фыркнул Симон, не забыв перед этим отодвинуться подальше от Грома. – Да разве ж он человек? Вы подумайте сами, какой силой должен обладать дьюс, чтобы управлять глазами. А если этот демон вырвется на свободу?

– С чего это он должен вырваться? – нахмурился печатник. – Впрочем, как раз его силу я могу легко проверить. Вы позволите?

Парцелл кивнул. Мэтр Арно поднялся, подошел к грешнику и пристально посмотрел в его глаза. Длилось это минуты три, и все присутствовавшие, напряженно ожидая результата, хранили молчание.

– Э-э… двадцать третий уровень! – провозгласил печатник. – Вполне сопоставимо с дьюсом… предположим, вот этих каминных часов. Несколько меньше, чем я ожидал. Вы хоть цвета-то различаете?

– Не всегда, – коротко ответил Парцелл. – И не все.

– А печатей, печатей сколько? – не удержался Симон.

Арно сердито взглянул на лекаря:

– Вы что же, ждете от меня профессиональных секретов? Их столько, сколько необходимо. Можете не опасаться, дьюс надежно скован. Слово печатника для вас хоть что-нибудь значит, милейший?

Такой поворот событий оказался для Симона неожиданным, но лекарь не собирался сдаваться: он огляделся по сторонам в поисках союзников.

– Госпожа, вы ведь со мной согласны?

Светловолосая Белла пряталась за спиной брата и из-за его плеча глядела на грешника так, словно хотела испепелить несчастного взглядом. Выражение ее лица говорило о чувствах красноречивее всяких слов, и Симона это воодушевило – он затеял новый спор.

А буря за стенами «Горицвета» бушевала все яростнее…

«Отчего ты так спокоен?» – хотела бы спросить Ивер, но не могла набраться смелости. Каково это: смотреть на мир искусственными глазами? Все должно казаться совсем другим, особенным. Да и сам Теймар Парцелл сразу показался ей особенным, еще до того, как снял очки.

«Отчего ты спокоен, когда все вокруг тебя боятся?»

– Хватит пререкаться! – решительно заявила Дженна. Ивер хорошо знала характер сестры: та никогда не меняла принятого решения. Раз сказала, что не прогонит странного гостя, так тому и быть. Это вовсе не означало, что Парцелл ей понравился, но доброе имя «Горицвета» она ставила превыше всего. – Он останется, потому что…

– Ну я же сказал, уважаемые! – встрял мэтр Арно, почувствовав, что хозяйке не хватает слов. – Что за глупые предрассудки? Он такой же человек, как я или любой из вас. Право слово, никто из живущих не может быть уверен, что завтра ему в глаз не попадет искра из камина или щепка от расколотого полена! И что же, желание вернуть себе зрение – это грех?

– Грешно менять собственное тело, вмешиваясь в замысел Создателя! – провозгласил Симон, словно заправский проповедник. – Есть вещи рукотворные, а есть нерукотворные, и человек относится ко вторым. Все должно идти так, как предначертано свыше! Уж если в чьей-то книге жизни написано, что быть ему глухим, хромым или слепым, значит, так тому и быть…

– Всё, нет моих сил! – Гром сжал кулаки. – Так тому и быть, говоришь? А бывал ли ты когда-нибудь в приюте для инвалидов? Ты видел, как там живут хромые и слепые?! Да плевать мне на создателя, у которого такие замыслы!

– Достаточно! – Грешник вскочил и оказался между лекарем и Верзилой. Двигался он легко, будто танцуя, и рядом с долговязым Симоном и рослым Громом казался маленьким, хрупким. Ивер впервые пришло в голову, что странному гостю, должно быть, нет и двадцати. – Не хочу, чтобы из-за меня ссорились добрые люди. Раз уж хозяйка не имеет ничего против, я останусь до утра, а там тихо исчезну, никому не показываясь на глаза. Идет?

– Идет! – быстро согласилась Дженна, радуясь возможности предотвратить надвигающуюся драку. – Я покажу вам комнату, господин Парцелл!

Она направилась к лестнице, ведущей на второй этаж, и грешник двинулся следом, но перед этим повернулся к собравшимся в зале «Горицвета» и отвесил им учтивый поклон. «Кого они видят?» – подумала Ивер, искоса поглядывая на

сбитых с толку постояльцев. На нее магия золотых глаз уже не действовала, и поэтому Теймар Парцелл казался именно тем, кем был на самом деле: до полусмерти уставшим человеком.

С уходом грешника все вздохнули свободно: Симон и мэтр Арно заспорили о высоких материях, Карел присоединился к торговцам в их карточной игре, а Марк со своей пугливой сестрой просто сидели молча, погруженные в раздумья. Лишь Гром остался хмурым и встревоженным, словно его тяготило какое-то давнее воспоминание. Ивер захотелось утешить Верзилу добрым словом, но она хорошо помнила наставления Дженны: не заговаривать с постояльцами, не беспокоить их.

Вновь заскучав, она оглядела зал и вдруг заметила у входной двери большой дорожный мешок, которого там раньше не было. Нахмурившись, перебрала воспоминания прошедшего вечера: четыре человека уходят спасать падающую машину, возвращаются… Ах да! Гром потащил Парцелла к огню, а остальные задержались у порога, отряхивая снег с плащей, и кто-то – вроде бы Карел? – положил на пол этот самый мешок. Должно быть, это вещи грешника, он и впрямь устал, если позабыл о них. Надо сказать Дженне, подумала Ивер. Обязательно рассказать, как только она вернется.

Девочка прикорнула у окна и сама не заметила, как задремала.

…Ясный зимний полдень, лютый мороз. Укрытый белым покрывалом Визен серебрится в лучах холодного солнца: сквозь сугробы прорастают ледяные деревья, в стволах которых струится бледно-голубая кровь, а посреди пустынных улиц поднимаются маленькие фигурки, похожие на детей, и начинают танцевать. Они танцуют обычно по двое-трое, но в сильные холода, когда мало кто отваживается высунуть нос на улицу, собирают большие хороводы. Говорят, если кто живой угодит в лапы к этим созданиям, его уже не спасти.

Ивер стоит посреди тихой улицы, одна. На ней теплая шубка и пушистые рукавицы, а новые сапоги ласково льнут к ногам. Отчего же никого нет вокруг? Она оглядывается в поисках своих товарищей по играм, но вместо них видит лишь ледяных плясунов, которые завели танец на соседнем перекрестке. Фаэ движутся бесшумно, даже снег не скрипнет под их тонкими ножками, и от

тишины звенит в ушах.

А потом Ивер видит ее – ослепительно-прекрасную женщину в белом платье, идущую по прозрачной лестнице, что ведет с небес на землю…

«Я только одним глазком, – сказала себе Ивер. – Посмотрю и сразу позову Дженну…» Давным-давно ей здорово попало от отца за такую, казалось бы, безобидную шалость, но воспоминание об этом уже выцвело и покрылось пылью, поэтому девочку ничто не остановило. Воровато оглядевшись по сторонам, она прокралась к мешку и потянула за шнурок, завязанный обычным узлом, повторить который не составило бы труда. Шнурок поддался как-то неохотно, но Ивер не обратила на это внимания. А потом из недр мешка вынырнула пестрая змея и закачалась перед лицом девочки, уставив на нее блестящие красные глаза.

– Ой… – пролепетала Ивер. – Мамочка…

Глаза змеи светились все ярче, и Ивер вдруг поняла, что не может пошевелить ни рукой, ни ногой, как будто ее превратили в статую. Точно так же Верзила утратил способность двигаться, когда мэтр Арно припечатал его «знаком остановки», но сейчас мага рядом не было! Паника захватила разум без остатка, и девочка закричала бы от ужаса, но голос тоже пропал.

– Попалась, – негромко сказал кто-то за спиной. – Так и знал, что ты захочешь заглянуть внутрь. Ну как, нашла там что-нибудь интересное?

Затылком Ивер ощутила чье-то присутствие, потом ее легонько толкнули в спину – и тотчас же сила вернулась в безвольное тело. Девочка вскочила, обернулась: Теймар Парцелл стоял рядом, добродушно посмеиваясь. Золотые глаза в полумраке слабо поблескивали.

– Там гадюка… – начала она и осеклась.

Над раскрытым дорожным мешком покачивался… кожаный ремень с пряжкой в виде змеиной головы. К тому же украшенный замысловатой вышивкой! Оставалось лишь гадать, дьюс какой силы мог одушевить такую вещь.

Грешник протянул правую руку, с которой так и не снял перчатки, и «гадюка» туго обвила его предплечье. Пряжка сама застегнулась у локтя – теперь Ивер поняла, что этот ремень носят не на поясе. Ей не доводилось слышать о подобном даже от путешественников, прибывших издалека: определенно, Парцелл таил в себе много загадок и не был настроен делиться секретами…

– Что случилось?

За мгновение до того, как Дженна вышла в общий зал, Ивер шагнула в тень и сделалась невидимой. Еще не хватало, чтобы сестра узнала о ее выходке с мешком!

– Все в порядке, – сказал грешник. – Я просто позабыл забрать свои вещи.

Руку, обвитую ремнем, он завел за спину; «гадюка», медленно распустив кольца, тихо опустилась на пол и поползла обратно в мешок. Ивер боязливо отодвинулась подальше в тень: хотя возле двери и дуло, девочка предпочитала замерзнуть, чем стоять поблизости от этой странной твари.

– А-а, понятно… – проговорила Дженна и улыбнулась так, как никогда раньше не улыбалась, – тепло, спокойно. – Можно мне спросить вас кое о чем, господин Парцелл?

– Я слушаю.

– То, что вы спаслись и махолет не очень пострадал, – конечно, чудо из чудес. Но я все-таки никак не пойму, зачем вы вообще залетели в наши края. Через Визен летают только во время ярмарки, когда все другие воздушные пути переполнены…

– Я путешествую, – ответил Парцелл. – Так уж вышло, что сегодня мой путь пролегал именно через Визен. Признаться честно, мне бы следовало повернуть назад при первых знаках непогоды, но… людям свойственна самонадеянность. Я едва не поплатился жизнью за свою глупость.

– Путешествовать – это так интересно… – Тоску в голосе Дженны расслышала, наверное, только Ивер. – Вы много где побывали, наверное?

– Да, довелось повидать немало интересного, – уклончиво проговорил грешник. – Кстати говоря, не так уж часто встречаются люди, способные выдержать мой взгляд без содрогания.

Девушка смущенно покраснела:

– Ну, я ведь не одна такая! Мэтр Арно, к примеру…

– Мэтр Арно, поймите меня правильно, человек просвещенный и привычный к разного рода чудесам. А в таких местах, как Визен, люди боятся в равной степени и фаэ, и дьюсов, считая их чудовищами. На самом-то деле обе эти силы подвластны тем, кто достаточно много знает и не… – Парцелл осекся, словно пожалев о собственной внезапной болтливости, но через секунду договорил: – И не боится. Но все-таки вы не такая, как остальные.

– Быть может, это из-за гостиницы? – предположила Дженна. – Я вижу разных людей, выслушиваю их истории… Тоже что-то вроде путешествия, но при этом нет нужды бросать родной дом и тех, кто тебе дорог. Ох, я сегодня слишком много говорю, а вы ведь устали! Последняя просьба, господин Парцелл…

– Теймар.

– Да, Теймар… Пожалуйста, не торопитесь завтра покидать нас! Не обращайте внимания на этого спесивого лекаря, он все равно не сумеет вам сделать ничего

дурного!

«Надеешься, что он расскажет о своих странствиях? Ох, зря…»

Теймар Парцелл с улыбкой заверил ее, что постарается, и, подобрав свой мешок, отправился наверх, в комнату. Ивер еле сдержала возглас удивления – с того места, где она стояла, было видно, что произошло на самом деле: стоило грешнику протянуть руку, как мешок приподнялся, придвинулся ближе к хозяину!

Когда гость скрылся из вида, Дженна сердито нахмурилась и спросила громким шепотом:

– Ты что тут делаешь, а?!

– Дженна, ну что это такое… – заныла девочка вместо ответа. – Ты целый день отовсюду меня гонишь! Там я мешаю, тут мешаю… И этому, с золотыми глазами, никто не сказал, что я первая его махолет увидела. Никому я не нужна, вот сбегу в Керлен, будете знать!

– Ивер… – Дженна тотчас же остыла, обняла младшую сестру и погладила по волосам. – Извини, я тебя обидела… Не плачь, не надо…

Дженна была такая теплая, что Ивер вдруг почувствовала, как сильно замерзла, стоя у двери, – там, снаружи, бесновался буран, и холод пробирался сквозь невидимые щели. Невольно вспомнилась белая женщина из сна: она, несмотря на свою необыкновенную красоту, от которой просто дух захватывало, казалась воплощенной зимой – блистающей, всемогущей и беспощадной.

– Будь поосторожнее с этим Парцеллом… – Ивер шмыгнула носом. – Его дорожный мешок ведет себя совсем как живой.

– Как это? – растерялась сестра от неожиданности. – Живой?!

– Еще у него есть ремень с узорами. Вместо пряжки – змеиная голова с глазами и пастью… Интересно, кто мог сотворить такую вещь?

– Ох, Создатель… Ладно, давай-ка пойдем спать. О ремнях и мешках я подумаю завтра…

«…Иди ко мне, – сказала белая женщина. – Иди ко мне, в мою обитель! Там мы будем танцевать посреди заснеженных лугов, где растет ледяная трава! Я подарю тебе самое красивое платье на свете…»

Ивер шла через лес. Над ее головой ветер запутался в ветвях и теперь лишь беспомощно трепыхался, оглашая округу перезвоном стеклянной листвы. Когда какой-нибудь листок отрывался от ветки, он вовсе не парил легко и вольно, как бывает в настоящем лесу, а падал отвесно, кинжалом врезаясь в подмерзший снег у корней дерева.

Девочка шла туда, где ее давно ждали. Только вот кто?..

2. Игра

Если лекарь Симон, а вместе с ним кое-кто еще из постояльцев и надеялся, что наутро от Теймара Парцелла останутся лишь не особенно приятные воспоминания, то надеждам этим не суждено было сбыться по очень простой причине: на рассвете буря бушевала с прежней силой и успокаиваться не собиралась. Не понадобилось даже открывать дверь или окно, чтобы в этом убедиться. За стенами «Горицвета» завывал на разные голоса ветер, а сквозь невидимые щели в досках за ночь пророс плющ-морозник, которого Ивер не видела вот уже года два, а то и больше. Надев перчатки, они с Дженной полчаса обрывали гибкие колючие стебли, больно жалящие пальцы даже сквозь толстую ткань.

– Хорошо, что все еще спят, – пробормотала Дженна, разглядывая обнаруженный среди прозрачных листьев красноватый цветок. От тепла ее руки он быстро таял, но все-таки еще можно было полюбоваться филигранным узором на тонких лепестках. – Впрочем, сегодня они здесь не гости, а узники… Как и мы с тобой, сестрица.

Первым в общий зал спустился мэтр Арно – и сразу все понял.

– Что ж, – философским тоном заговорил он, устраиваясь на прежнем месте у камина. – В моем возрасте уже бессмысленно куда-то торопиться, а отдыхать следует при первой же возможности. Будем считать, что нынешний день – та самая возможность, предоставленная самой судьбой… или Создателем, если пожелаете.

– Не думаю, что остальные будут того же мнения, – возразила девушка. Она коснулась ключ-кольцом печати, вырезанной на столешнице, и стол, повинуясь приказу хозяйки, зашагал к камину, громко топая. – Вот увидите, сейчас начнут ругаться, как будто это я устроила так, что буря не улеглась. Что вам на завтрак приготовить, мэтр?

– М-м… кстати, а наш золотоглазый гость все еще здесь?

– Конечно, – ответила Дженна, краснея.

Ивер, наблюдавшая за этой сценой со стороны, презрительно фыркнула.

– Превосходно, – кивнул Арно. – Тогда, милая хозяюшка, приготовьте мне яичницу с ветчиной.

Один за другим постояльцы просыпались и спускались завтракать. Они вели себя именно так, как предсказала Дженна, и особенно лютовал Симон.

– Вы это подстроили! – кричал он. – Вы с ними заодно!

– С кем? – растерянно спросила девушка, и лекарь, пробормотав что-то неразборчивое, умолк.

Марк и его молчаливая спутница выглядели расстроенными и встревоженными, они явно куда-то опаздывали. Их настроение, похоже, разделял и Карел, хотя по его жесткому лицу и сложно было что-либо понять. А вот Грома, как и мэтра Арно, непредвиденная задержка вовсе не огорчила: он с аппетитом принялся поедать завтрак, которого хватило бы на четверых, а после, беззаботно насвистывая, подсел к мэтру Арно и достал из кармана трубку. Печатник на это

лишь хмыкнул, и дальше они дымили вдвоем.

Сразиться с бурей отважились лишь двое из гостей «Горицвета» – торговцы, которых в Керлене ждал партнер. Рыжий, впрочем, предпочел бы рискнуть деньгами, а не жизнью, но брат сумел его переубедить, хотя это и было непросто. Так или иначе, вскоре после завтрака торговцы собрали свои вещи, попрощались с Дженной и сгинули в белой мгле за дверью гостиницы.

– Нас осталось шестеро, – проговорил мэтр Арно, загадочно прищурив глаза. – Многоуважаемые, раз уж мы стали товарищами по несчастью… хотя правильнее сказать – по ненастью!.. Так вот, не попытаться ли нам хоть самую малость развеселить друг друга какими-нибудь историями? Буря, судя по всему, затянется до завтрашнего утра, а больше нам заняться нечем. Смею напомнить, путешественники издревле славились умением рассказывать о том, чему оказались свидетелями в дальних странствиях…

– То есть травить байки? – уточнил Гром. – Это можно!

– Превосходно. Только история должна быть правдивой! Кто еще к нам присоединится? – Старик оглядел собравшихся, словно бросая каждому вызов.

– Попробую, – сказал Карел, пересаживаясь ближе к камину. – Но не уверен, что смогу удивить печатника.

– В мире каждый день появляются новые чудеса, – ответил маг с усмешкой. – Только самовлюбленный дурень мог бы считать, что видел их все. Марк, а вы что решили?

– Рискну, пожалуй… – произнес светловолосый юноша не очень уверенно.

– А мне рассказывать нечего! – заявил Симон, не дожидаясь, пока его спросят. – Моя жизнь скучна до безобразия. Но послушать ваши истории я не прочь, конечно же.

– И то хорошо, – податливо согласился мэтр Арно. – Итак, нас четверо?

– Быть может, пятеро? – раздалось сверху. – Если, конечно, никто не будет против.

Невольно все подняли головы: Теймар Парцелл медленно спускался по лестнице, не сводя золотых глаз с компании, собравшейся у камина. Грешник выглядел иначе, чем прошлым вечером: сменил летную куртку на обычную, из темного сукна, и от этого его лицо казалось еще бледнее. Волосы он зачесал назад, открыв высокий лоб, на котором теперь, при свете дня, была хорошо видна сеть тонких шрамов; шрамы покрывали и верхнюю часть его правой щеки. «У него в прошлом было столько боли…» – подумала Ивер, и внезапно странный холод охватил ее всю без остатка, проник до самого сердца, еще чуть-чуть – и оно должно было остановиться. Но в этот миг девочка вновь, как вчера, ощутила на себе взгляд золотых глаз – и холод исчез так же быстро и загадочно, как появился.

– Никто не против, – сказал Гром и посмотрел на Симона так выразительно, что лекарь, открывший было рот для очередного потока ругательств и оскорблений, изменился в лице и не издал ни звука.

Арно радушно взмахнул рукой, приглашая нового участника игры присесть, и тот опустился на свободное место рядом с Карелом – уселся, ровно держа спину, будто прилежный школяр. Его руки, вдруг заметила Ивер, по-прежнему были в перчатках, и теперь она начала догадываться, что могло стать тому причиной.

– И кто же из нас будет первым рассказывать? – спросил Карел, искоса поглядывая на своего соседа, но скорее с любопытством, чем с опаской. – У меня есть игральные кости. Можно каждому загадать по цифре, а потом бросить жребий – чья выпадет, тот и начнет.

– Любопытная идея! – сказал Арно. – Но тогда нам не помешал бы кто-то шестой, дабы не обижать ни одну из цифр, ха-ха. Симон, вы не передумали? Неужто за всю свою жизнь вы не видали и не слыхали ничего интересного?

– Хорошо, уговорили, – произнес лекарь с явной неохотой. – Только пусть бросает тот, кто не играет. Госпожа Белла?

Красавица покачала головой, и Марк торопливо проговорил:

– Прошу, не удивляйтесь поведению моей сестры! Она… э-э… в силу некоторых обстоятельств она долго прожила вдали от людей и теперь боится шумных компаний. По той же причине она ни с кем, кроме меня, не разговаривает.

– Приберегите лучше эту историю для нашей игры, – посоветовал Арно. – Хозяйка! Окажите небольшую услугу, прошу вас! Бросьте эту кость, и пусть выпадет моя цифра – шестерка!

Дженна подошла, смущенная, и выполнила то, о чем просили. Она давно уже прислушивалась к беседе постояльцев и теперь с радостью воспользовалась предлогом, чтобы остаться поблизости. В этот миг метель не пугала, а радовала ее, потому что, будь погода хорошей, времени на такую роскошь, как неспешные истории у камина, ни за что не хватило бы.

Выпала тройка, и Теймар Парцелл, улыбнувшись, сказал:

– Что ж, слушайте…

История Теймара,

или Таинственный остров

– Эта история приключилась со мной примерно год назад в Лайоне. Зимы там мягкие, не чета здешним, а тут и вовсе откуда-то заявились грозовые тучи и затянули небо от края и до края. Солнца днем почти не видно, дождь льет и льет… В общем, жители Лайона были весьма не в духе, а потому вышло так, что однажды ночью я не нашел себе пристанища и летел среди туч, не зная, где окажусь к утру. Опуститься на землю я не мог, потому что кругом были одни лишь горы, покрытые густым лесом.

И вот я лечу, пытаясь бороться со сном, как вдруг одна из туч впереди меня, не очень большая, но какая-то слишком плотная, неожиданно меняет направление и идет против ветра. Приглядевшись, я увидел в самом сердце тучи летающий остров, погруженный во тьму.

Сейчас-то я понимаю, что остров этот с самого начала выглядел странно и разумный человек ни за что не стал бы к нему приближаться, но той ночью мне пришлось выбирать из двух зол: либо лететь вперед и надеяться, что где-нибудь посреди леса обнаружится достаточно большая поляна, либо попытать счастья на острове – что я и сделал. Тут как раз началась гроза; вспышки молний осветили внутренний двор, который и был предназначен для махолетов, так что сесть удалось без проблем.

Как я уже сказал, кругом царила тьма. Простояв некоторое время подле своей машины, я так и не дождался появления хозяев, а гроза тем временем разыгралась не на шутку. Что ж, подумал я, раз хозяева до сих пор не пригласили непрошеного гостя внутрь и не велели убираться восвояси, значит, этому гостю предоставлена некоторая свобода действий. Захватив фонарь, я отправился осматривать дом: был он не особенно велик, всего два этажа и невысокая башенка, на которой почему-то не горел огонь маяка. Переступив порог, я оказался в большом и совершенно пустом зале, из которого три двери вели в соседние помещения, а в дальнем углу виднелась винтовая лестница на второй этаж. Было довольно-таки чисто – дьюс особняка со своими обязанностями справлялся неплохо, – но что-то подсказывало мне: хозяева давно покинули дом, и едва ли по своей воле. Случись такое на земле, кругом лежал бы толстый слой пыли, а с потолка свисала бы паутина, но в небе все происходит иначе.

В одной из комнат обнаружился накрытый стол с оплавленными свечами и яствами, которые пришли в негодность лет десять назад. Та же самая участь, к величайшему разочарованию голодного бродяги, постигла и припасы в кладовой! Казалось, будто неведомые обитатели этого странного дома просто встали из-за стола и ушли, чтобы больше не возвращаться… Их не выкрали воздушные пираты, не растерзали какие-нибудь твари, которых в облаках ничуть не меньше, чем на земле, но оттого, что я нигде не увидел следов борьбы, становилось лишь страшнее.

И все же я поднялся на второй этаж…

Там меня поджидал сюрприз – огромная библиотека, при виде которой я позабыл про голод, усталость и страх и принялся исследовать шкафы. Ох, если бы вы только знали, сколь много редчайших книг я обнаружил! Но недоумение мое от этого лишь росло: как мог обладатель богатейшего клада все бросить и даже не позаботиться о сохранности книг?! Одно из окон библиотеки было разбито, и

сырость, беспрепятственно проникая внутрь, успела испортить некоторые бесценные тома. Поблизости от разбитого окна я увидел стол, за которым, должно быть, хозяин особняка проводил немало времени, погруженный в работу, столь приятную для всякого из людей книги. И кое-что меня встревожило не на шутку: бумаги, некогда лежавшие на столе, были сметены на пол, а на гладкой столешнице красовались… следы когтей. Крови, впрочем, не было, и от этого картина показалась мне еще загадочней. Наверное, я так и просидел бы среди книг до самого утра, размышляя о судьбе их исчезнувшего хозяина, как вдруг сквозь шум дождя и громовые раскаты послышался странный звук, источником которого мог быть только человек. Смех.

Нечто зловещее чудилось в смехе, раздающемся в пустом доме, да еще и во время сильной грозы, но, как уже было сказано, в ту ночь здравый смысл покинул меня. Да, вы верно предположили – я решил подняться на башню, поскольку звук, чем бы он ни оказался на самом деле, слышался именно оттуда. По пути я заглянул во вторую комнату, располагавшуюся на этаже, и обнаружил там спальню, в которой царило то же запустение, что и везде. Это меня уже не удивило. На башню вела узкая темная лестница, и отчего-то я потушил свой фонарь – этот беспричинный поступок спас мне жизнь.

На смотровой площадке царили ветер, дождь и темнота. К последней мои глаза уже успели привыкнуть, но даже не знаю, как описать то, что я увидел…

Точнее, тех.

В каком-то смысле они были красивы – стройные юные тела, полные сил и даже с виду необычайно легкие, да еще и жемчужно-серые крылья за спиной, – но от одного лишь взгляда на их лица меня бросило в дрожь, потому что не оставалось никаких сомнений, что эти создания абсолютно неразумны и столь же абсолютно агрессивны. Огромные совиные глаза, крючковатые носы, напоминающие клювы, и разинутые до ушей пасти, полные острейших зубов… Даже сейчас, вспоминая об этом, я покрываюсь холодным потом. А какие у этих созданий были когти! И на пальце у… э-э… особи мужского пола красовалось ключ-кольцо. Теперь я знал, кто оставил следы на столешнице в библиотеке. Судьба хозяев дома перестала быть тайной.

Но об этом можно было поразмыслить потом, в безопасном месте, а я вовсе не был уверен, что сумею до такого места добраться. Чтобы не испытывать ваше терпение, в этой части истории обойдусь без подробностей: мне удалось

добежать до махолета и поднять его в воздух, а потом началась гонка сквозь грозу… Да, этот полет я не забуду до конца своих дней. Крылатые бестии вились вокруг, когтями полосовали обшивку и при этом не переставали хохотать. То и дело сверкали молнии. Одна из них чуть было не попала в меня и ненадолго отпугнула тварей. В конце концов они отстали – из-за того, как мне кажется, что мы слишком удалились от летающего острова, а свойственное птицам чувство направления у этих созданий отсутствовало.

Я посадил махолет неподалеку от маленькой деревушки… Точнее, там моя машина рухнула на землю, пострадав куда серьезнее, чем вчера. К счастью, жители отнеслись ко мне гостеприимно, в отличие от горожан. Они же поведали мне о странных исчезновениях, случающихся по всему Лайону вот уже целых пятнадцать лет, – всякий раз, как вы догадываетесь, люди пропадали во время грозы. Мой рассказ о летающем острове и его обитателях пришелся весьма кстати… Но это уже совсем другая история.

– Ах, господин Парцелл! – Арно покачал головой, лукаво улыбаясь. – Вы нарушаете правила! Разве воздушные фаэ могут поселиться на летающем острове, где кругом сплошные кристаллы-ловушки, благодаря которым остров и не падает на землю? По этой же причине они должны были бежать от вашего махолета без оглядки, ведь его сердце именно из таких кристаллов! Ну, что вы на это скажете?

– Что вы невнимательны, мэтр, – спокойно ответил грешник. – Разве я хоть единожды произнес слово «фаэ»?

Улыбка печатника погасла, он ошеломленно уставился на Парцелла, словно лишь теперь до него начал доходить истинный смысл истории о летающем острове – и поверить в этот смысл было нелегко!

– Я тоже никак не возьму в толк, что это были за твари, – проговорил Гром, растерянно хмуря брови. – Никогда о таких не слышал.

– А я слышал, – сказал Карел с легкой усмешкой. – О-о, они необычайно зловредны, жестоки и кровожадны! И неразумны, как верно заметил господин Теймар, хотя добавлю от себя – некоторые успешно скрывают свою неразумность. Имя этим созданиям… люди.

Грешник молча склонил голову, признавая правоту Карела.

– Что за глупости! – воскликнул Симон, вложив в три слова все свое безграничное презрение к Парцеллу. – Это невозможно! Бессчетные попытки создать крылатых людей приводили к смерти испытуемых, а кого миновала смерть, тех ждало безумие! Это всё ваши выдумки, господин грешник!

– Нет-нет, – покачал головой Арно. Прежняя уверенность, равно как и благодушное настроение, начала к нему возвращаться. – Вы правы, Симон, лишь в одном: грешники могут воссоздать только те части тела, которые человеку свойственны, а всякие там крылья, жабры и прочее влекут за собой весьма печальные последствия. Но это потому, что в каждой рукотворной вещи живет дьюс, а он может слиться с человеком только тогда, когда обнаружит для себя подходящее пустое место… Здесь же мы имеем дело с людьми, пустившими в себя не дьюсов, а воздушных фаэ, духов.

– Фаэ?! – Лекарь вспылил пуще прежнего, напрочь позабыв о том, кто перед ним. – Да я скорее съем свой диплом, чем признаю такое! Если бы фаэ могли самовольно вселяться в тела людей, нам вовсе не осталось бы места в этом мире, потому что здесь кругом ду?хи!

Печатник развел руками:

– Случайность правит миром. Да, фаэ сторонятся людей, но из любого правила бывают исключения…

– Но не такие! – рявкнул Симон. – Я НЕ ВЕРЮ!

– Ваше право, – сказал Парцелл, по-прежнему сохраняя спокойствие. – Быть может, стоит послушать другие истории, а потом решить, какая из них наиболее невероятна?

– Согласен! – воскликнул Гром, неприязненно поглядывая в сторону лекаря. – Бросай, хозяйка! У меня есть история повеселее, чем эти страхи-ужасы.

Дженна потянулась за игральной костью, а Арно негромко проговорил:

– Никогда я не поверю, Парцелл, что вы не позаимствовали ни одной книги из такой богатой библиотеки. Неуч не должен владеть столь прекрасной вещью!

– Но ведь когда-то он прочитал все книги, что сумел раздобыть, – возразил грешник. – И, научившись управлять случайностями, стал тварью, бессловесной и кровожадной.

– Я бы спалил там все дотла, – отрешенно проговорил Карел.

Грешник хмыкнул:

– Мне на это не хватило времени… К счастью, потому, что потом меня бы мучила совесть.

– Пятерка! – взволнованно провозгласила девушка, и Гром, радостно потирая руки, начал свой рассказ.

История Грома, или Сон во сне

– Случилось это двадцать лет назад…

Кто-нибудь из вас бывал в Эйламе? Нет? Эх, жалость какая… Не мастак я расписывать красоты южного края, поэтому скажу коротко: мой родной город – самый красивый во всем мире, а кто не верит, пускай докажет, что я не прав. Вот так!

Эйлам лежит у подножия горы, которая зовется Спящий Медведь, только его не строили под горой, а совсем наоборот. Несколько веков назад Медведь был частью горного хребта в десяти днях пешего хода от Эйлама, но как-то раз его фаэ проснулся посреди зимы и решил попить воды… Ну да, это известная история про то, как печатник Марвин беседовал с Медведем, пока того не сморил сон, теперь уже вечный. Я не об этом хотел рассказать. И не перебивайте!

Так вот, гора нависает над Эйламом, и на ее вершине постоянно крутятся тучи. Бывает, они окутывают всего Медведя и после спускаются на город, но получается из этого вовсе не дождь, а туман. Наши старики твердят, что если кто заблудится в тумане, то попадет прямиком в подгорное царство, из которого назад дороги нет.

Хм… это самое… какой мальчишка не станет мечтать о встрече с настоящим древним фаэ, который восемь веков назад чуть было не уболтал до смерти великого печатника? Вот мы с друзьями и бродили в тумане, искали Медведя, да вот только не везло нам, долго не везло.

Однажды вышло так, что я отстал и… в общем, заблудился по-настоящему. Иду в тумане, кричу – никто не слышит. Страшно стало, видит Создатель, до смерти страшно! Ничего не видно, руку протяни – и то пальцев не разглядишь, а про ноги вообще молчу. Надо было на месте стоять, авось и наткнулся бы кто-то на меня, но от страха я соображать перестал и все брел, брел куда-то… пока земля не ушла из-под ног.

Очнулся я в таком странном месте, что и словами-то не опишешь. Вроде ничего особенного – зеленая лужайка, цветочки кругом, – а если приглядеться, то цветы эти не растут из земли, как положено, а, будто нити в ковре, друг с другом переплетаются, корней же у них вовсе не было – проверял. Да и лепестки цвет меняли постоянно: глянешь разок – красные, а опять посмотришь, да повнимательнее – уже оранжевые или желтые…

Загляделся я на них, а тут из-за спины голос: «Ты кто такой?» Поворачиваюсь – девчонка. Лет примерно моих, то есть не старше двенадцати, худая такая, бледная. Глазищи в пол-лица… красивые очень, но грустные. Я говорю – дескать, заблудился, а ты кто? Она еще грустнее сделалась и призналась, что тоже заблудилась, причем давненько, да к тому же не помнит о себе вообще ничего: ни имени, ни дома. И ну рыдать! Насилу успокоил… Давай, говорю, вместе искать отсюда обратную дорогу, потому как не бывает таких мест, откуда нельзя домой добраться. Нужно только очень захотеть!

Шли мы вместе с ней дня четыре, если не больше. Навидались в том лесу такого – еще на десять историй хватит, да только не спешите решать, что это и было настоящее подгорное царство, потому как солнышко светило ярко, по-настоящему, а иногда даже дождь шел. Откуда под горой солнце? То-то же. В общем, то мы от тварей прятались, то убегали, а подруга моя всякий раз

твердила: «Хорошо, что это не Темный, который за деревьями ходит!» Какой Темный? Молчит и дрожит. Раза два ее об этом спросил, потом рукой махнул.

И вот вышли мы на полянку, а по ней будто граница проходит: по одну сторону, где мы, – цветы эти жуткие, без корней, а по другую – обычная трава да ромашки с лютиками. Нам бы в тот же миг через границу эту перешагнуть, но отчего-то вдруг спутница моя остановилась…

«Вижу! – говорит, и взгляд такой стал пустой, страшный. – Дом с желтыми стенами, а подле него – сад с беседкой… Вижу флюгер – змеюку с крыльями… Во дворе мальчик с девочкой играют, совсем малыши…»

Я тогда сразу понял, что это ее дом, и хотел было через границу перевести, как вдруг позади нас раздался такой рев, что от страха дух вон. Оглянулся я и увидел: из-за деревьев вышел здоровенный медведь, настоящий великан, и одним скачком оказался возле нас. Ее он схватил, к себе прижал, а меня лапой отшвырнул прочь.

Очнулся я…

Когда молчание стало тяготить всех, Дженна проговорила жалобным голосом:

– Так вы же хотели веселую историю рассказать?..

– Хотел, – ответил Гром. Он сидел, закрыв лицо руками, и от этого голос звучал приглушенно, казался чужим. – Но как начал, оно само пошло. Никому раньше об этом не рассказывал, вы первые.

– Я знаю, что дальше было, – сказал мэтр Арно и продолжил, выждав несколько секунд: – Ты очнулся в собственной постели и узнал, что несколько дней провел без сознания после того, как… ну, скажем, упал с обрыва. И о девочке этой никто ничего не слышал. Правильно?

Гром тяжело вздохнул.

– Она ведь рассказала мне про свой дом, помните? Но Эйлам большой, и в желтый цвет у нас многие постройки красят. Пока отыскал, недели две прошло… Жил там купец – богатый и такой нелюдимый, что к нему за ворота попасть было труднее, чем к королеве в спальню. Целый месяц прошел, пока я сумел с одним мальчишкой с кухни познакомиться и как следует его расспросить. Сколько детей у хозяина? Тот говорит, двое. Мальчик и девочка, обоим по три года. А другие были? Нет, говорит, нету других… Ничего он, в общем, про мою спутницу не знал. Я уж было решил, что ошибся, не тот дом выбрал, и тут он вдруг возьми да скажи: «Бедные дети, при живой матери сироты!» Оказалось, когда жена купца в тягости была, началась у нее странная болезнь: спать стала все больше и больше, а как родила, так и вовсе уснула навсегда. Так с тех пор и лежит, будто мертвая, оттого купец и видеть никого не хочет, кроме лекарей, да и они помочь не в силах… – Он опять надолго замолчал, потом прибавил чуть слышно: – Я еще три года прождал – вдруг проснется? А она умерла. Тут как раз Достопочтенный Аладоре, повелитель Ки-Алиры, набирал добровольцев для войны на юге, так я записался… С тех пор в Эйламе не бывал. Вот и вся история.

– Печально… – сказала Дженна, украдкой вытирая слезу.

– Дело давнее, – пробормотал Гром, и отчего-то в его лице появилось смущение. – Я о ней не вспоминал много лет, а сегодня что-то расчувствовался.

– Вы и в эту историю не верите, многоуважаемый Симон? – поинтересовался Арно, и все взгляды обратились к лекарю. Тот сразу же принял важный вид, будто находился не среди случайных попутчиков, а на собрании ученых мужей, где можно скрыть скудость ума или недостаток усердия под пестрым покрывалом умных слов.

– Я бы сказал, что здесь есть некоторая доля правды, – сказал он. – Подобные расстройства встречаются редко, но все-таки я точно знаю о двух случаях так называемого долгого сна, когда пациенты с каждым днем проводили в царстве грез все больше времени и в конце концов отказывались возвращаться к реальности… В этих грезах они попадали в миры, лишь отдаленно похожие на наш с вами, встречались с умершими родственниками и существами, для которых в нашем языке нет названия. Они также говорили, что…

– Про долгий сон знают все! – непочтительно перебил Марк. – Тут другое странно: как два человека могли встретиться во сне? Кто-то может мне объяснить? – И он взглянул на мэтра Арно, а потом на Теймара Парцелла.

Симон, к чьим познаниям юноша отнесся столь пренебрежительно, возмущенно фыркнул, а печатник сокрушенно вздохнул и развел руками:

– Чрезвычайно любопытная история, очень убедительно рассказанная, хотя и совершенно неправдоподобная. Я даже и не знаю, верить в нее или не верить. Никогда о таком не слышал, честно говоря! Боюсь, Гром, наше правило о правдивости…

– Постойте! – воскликнул Парцелл. – Что же вы, мэтр, не хотите услышать мое мнение? Я верю Грому, и мало того – рискну подвести под его рассказ некое обоснование, пусть оно и покажется вам невероятным. Мы знаем о Спящем Медведе, так? Он был весьма заметной вехой в карьере Марвина, и документы того времени свидетельствуют, что «беседа» с Медведем едва не стала последним подвигом великого мага… Но знаете ли вы, мэтр, как Марвин на самом деле остановил продвижение горы на юг?

Старый печатник нахмурился: его добродушное лицо вдруг изменилось, стало жестким и даже неприятным. Воцарившееся в комнате молчание сделалось почти невыносимым, когда он наконец очень неохотно произнес:

– Призвал на помощь водных фаэ. Они изменили русло подземной реки в том месте, где должен был пройти Медведь, и тем самым получилось нечто вроде печати… Она-то и остановила гору. – Оглядев изумленные лица своих попутчиков, он сердито прибавил: – Да, это тайна… была. Давным-давно на совете Гильдии решили, что лучше людям не знать подробностей о произошедшем, иначе Эйлам вполне мог опустеть. Но как ты об этом узнал?

– У меня свои источники, – ответил Теймар с легкой улыбкой, будто не заметив непочтительного обращения. – Продолжаю. Медведь, как мы все знаем, спит. Представьте себе, что его сны – это ручьи, которые стекают с вершины горы к ее подножию, причем лишь немногие проделывают этот путь по поверхности. Они опускаются все ниже и ниже, пока не смешиваются с водами подземной реки, что протекает не только под горой, но и под городом… Я прав, Гром?

– Верно, все так, – растерянно проговорил Верзила. – И что же? А наши сны? Они тоже… утекают куда-то?

– Я именно это и хотел сказать, – согласился грешник. – С нашими снами происходит то же самое, и чем крепче засыпает человек, тем глубже опускается его сон в толщу земли. А ведь самый крепкий сон – вечный…

– То есть они оба были в снах Медведя? – спросила Дженна. – Но отчего тогда эта женщина превратилась в ребенка? Почему не осталась в своем истинном облике?

– В мире снов иные законы, – ответил Парцелл. – Я могу лишь догадываться, что творится там со временем. Да и как знать, что представляет собой истинный облик человека или фаэ? Так или иначе, я верю, что эта история правдива.

– Я тоже, – сказал Марк.

Карел кивнул не промолвив ни слова.

Арно и Симон переглянулись: по всему выходило, что они впервые придерживались одного и того же мнения, но при этом оставались в меньшинстве. Печатник, усмехнувшись, махнул рукой – и Дженна в третий раз бросила игральную кость. Она со стуком упала на стол, и в тот же миг входная дверь отворилась, издав жалобный скрип.

С ног до головы покрытый снегом человек, в котором почти невозможно было узнать торговца по прозвищу Рыжий, прошептал чуть слышно: «Помогите…» – и рухнул на пол. Дженна ринулась к нему, Парцелл, Гром и Карел тоже не усидели на месте, да и остальным было уже не до игры. Через некоторое время, когда возле камина не осталось ни одной живой души, Ивер выбралась из своего убежища, где слушала истории, оставаясь незамеченной, и подошла к столу – ей было интересно, какая цифра выпала на этот раз.

– Единица… – пробормотала она. – И о чем же собирался рассказать этот долговязый зануда? Ладно, скоро узнаем…

3. Ледяная тюрьма

– Если бы я не видел, что они с напарником покинули нас всего-то три часа назад, – сказал Симон, – то мог бы с уверенностью утверждать, что этот человек провел на сильном морозе не меньше суток.

Рыжего уложили на кровать в той же комнате, которую они с Томасом снимали. Лекарь, ощутив себя самой важной персоной во всей гостинице, сразу же развел кипучую деятельность, заставив помогать себе даже мэтра Арно, но пока что его лечение не могло облегчить страдания торговца, который метался в бреду и стонал.

Гром, Карел и Парцелл засобирались было на поиски второго торговца, но едва они открыли дверь, как сразу сделалось ясно: стоит хоть кому-то отойти на пять шагов от «Горицвета», и его постигнет незавидная участь. Буря не просто лютовала с прежней силой, она разъярилась по-настоящему: вся улица поросла ледяными деревьями с прозрачными стволами и голубой кровью, а в мельтешении снежных хлопьев теперь без труда можно было заметить не только плясунов, но и других фаэ, куда более опасных. Одно из этих созданий, похожее на большого белого волка, с рычанием направилось к Грому, застывшему у открытой двери, и Парцелл еле успел ее захлопнуть перед носом у чудища.

– Снежный волк, – проговорил он совершенно спокойно, будто не замечая виноватого лица Верзилы. – Я видел трупы тех, кто заблудился зимой в лесу и попался этим существам в зубы…

Дженна, оставив лекаря наедине с пациентом, вышла в коридор и, устало вздохнув, прислонилась к стене. Ивер осторожно приблизилась, потянула сестру за рукав, но тут как раз появился Гром и сказал, улыбаясь:

– Хозяюшка, а как у нас с обедом?

Девушка вяло улыбнулась в ответ и побрела на кухню.

В ожидании обеда у камина постепенно опять собралась компания; пустовали места Симона и Беллы – молчаливая красавица поднялась в комнату и обратно не вернулась. Никто, однако, не торопился возобновить игру – все сидели молча и думали об одном и том же.

– Мы здесь пленники, похоже, – проговорил Карел. Арно, погруженный в облако табачного дыма, кивнул, а Гром пробормотал что-то утвердительное. – Я всякое видал, но такая метель… хм… она и для Дальних пределов слишком сильна. Даже не берусь предполагать, сколько еще продлится непогода – дня три, четыре… не знаю, не знаю…

– Дров достаточно, еды тоже! – крикнула Дженна из кухни. – Не переживайте!

– Постойте-ка! – встрепенулся Марк. – Четыре дня? Мы не можем ждать так долго!

– Так вперед, мой друг! – с усмешкой ответил старый маг. – Если вас ничему не научил пример Рыжего и покойного, по всем признакам, Томаса…

– С чего вы взяли, будто он покойник? – неприязненно спросил Марк.

Вместо печатника ответил Теймар Парцелл:

– К сожалению, в этом нет никаких сомнений. За стенами «Горицвета» – целая орда снежных фаэ, голодных и злых. Ума не приложу, отчего они так разъярились, но ничто живое в этой милой компании не протянет и пяти минут. Чудо, что хоть один из торговцев сумел вернуться.

– Я не могу сидеть здесь и ждать, пока буря закончится или фаэ успокоятся! – запротестовал Марк, теряя последние крохи спокойствия и уверенности в себе. – Это вопрос жизни и смерти!

– Вопрос жизни и смерти сейчас решается там. – Парцелл взмахнул рукой, указывая наверх. – И никто не знает, как он решится.

Юноша вскочил.

– Хватит издеваться! Это не шутки!

– А разве я шучу? – ровным голосом поинтересовался грешник. – Сядь на место, мальчишка, и не надо устраивать истерику. Никто из нас не может остановить бурю, поэтому будем ждать… Сейчас, по крайней мере, нет другого выбора.

Обескураженный Марк повиновался, а печатник взглянул на Парцелла с любопытством, но ничего не сказал. Тут из кухни вышла Дженна с подносом, уставленным тарелками, и почти сразу же со второго этажа спустился лекарь, усталый и расстроенный.

– Плохи дела у моего пациента, – заявил он с тяжелым вздохом.

– Не оттого ли, что он не заплатил за лечение авансом? – чуть слышно пробормотал Карел, но Симон его услышал и тотчас же оскорбился:

– Что вы себе позволяете?! Мой кодекс требует…

– Знаю я, что требует кодекс, – перебил Карел. – Но слишком уж много среди нас тех, кто вспоминает об этом лишь под звон монет. Здесь же случай и впрямь не из легких… – Он осекся. – Ох! Будь проклят мой длинный язык…

– Коллега? – Симон, мгновенно оставив все обиды, вопросительно поднял бровь. – Из какой школы?

Постояльцы навострили уши, но Карел медлил с ответом; его странное лицо, почти лишенное мимики, казалось деревянной маской. Наконец он произнес дрогнувшим голосом:

– Все это уже не имеет значения…

История Карела, или Великая книга

…Библиотечная пыль, шорох страниц. Разноцветные отблески ложатся на рисунок, и плоский цветок дурмана, разъятый на части для удобства запоминания нужного и ненужного, вдруг делается целым и оживает. В воздухе чувствуется его аромат…

– Говорят, я был одним из лучших учеников Миранды Лаорэ… Да, той самой. Она возвращала больных с того света так легко и просто, что несведущим людям

казалось, будто для этого ей достаточно только прикоснуться к пациенту. Что за глупости! Нет в мире ничего стоящего, что давалось бы без труда, а легкость обманчива… Я вижу госпожу Лаорэ в лекционном зале. Она никогда не повышала голос, но каждое ее слово было слышно даже в дальних углах – такая тишина стояла кругом! А вот себя на этих лекциях вспомнить уже не могу, как будто меня там и не было.

Что ж… Лучше расскажу эту историю так, будто прочитал ее в книге.

Жил-был один студент-медик. Поначалу он почти не отличался от других студентов и внимание преподавателей заслужил лишь на второй год обучения, когда обнаружил вдруг странный, довольно редкий талант – умение безошибочно определять с первого взгляда любой недуг, даже самый редкий. Да, Симон, не удивляйтесь! Тело человека есть единое целое, и если одна часть этого целого страдает, другие не могут оставаться неизменными… Как я это делал? Не помню. Слушайте и не перебивайте.

Миранда Лаорэ заметила студента и стала давать ему особые задания, с которыми он всегда справлялся играючи. Чутье ни разу его не обмануло, и постепенно в университете заговорили о счастливце, который видит людей насквозь, будто они стеклянные. Ему завидовали…

Худощавая женщина в черном смотрит поверх очков – взгляд усталый, под глазами круги. Она опять работала всю ночь и едва ли успела перед рассветом прилечь хотя бы на полчаса. «Важность правильного диагноза неоспорима. Но что ты будешь делать дальше? Как исцелишь больного?»

…хотя на самом деле завидовать было нечему.

Он был талантлив от природы, с этим не поспоришь, но есть одна черта характера, которой зачастую таким счастливчикам не хватает: терпение. Госпожа Лаорэ учила этого студента всему, что знала сама, однако он уже успел привыкнуть к легкости и предпочитал делать лишь то, для чего не требовалось больших усилий. Да, он видел пациентов насквозь, но понятия не имел, как их лечить… а зачем? Он всерьез верил, что это всегда можно будет поручить кому-нибудь еще. Даже после того, как он получил диплом, ничего не изменилось.

Вы ждете, наверное, рассказа о том, как этот медикус не сумел исцелить близкого человека и одумался, но все случилось по-другому…

Рассказывают, Миранда Лаорэ однажды вызвала своего ученика и о чем-то с ним говорила – долго, очень долго. Один раз она даже вышла из себя и начала кричать… Быть может, именно это и подействовало на незадачливого лекаря: он, побоявшись окончательно разочаровать великую госпожу Лаорэ, решил взяться за ум и наверстать упущенное.

Как-то раз он в университетской библиотеке искал некий том и не мог найти. Я уже сказал, терпение не значилось в числе добродетелей этого юноши, да и вдобавок на людей, не привыкших долго и кропотливо собирать сведения, изобилие книг всегда действует удручающе… Но тому, о ком я рассказываю, вдруг пришла в голову весьма странная мысль: книг слишком много, показалось ему, а вот если бы существовала всего лишь одна Книга, в которой содержался бы ответ на все вопросы?..

Сказано – сделано. Он изобрел для себя цель, которая могла бы произвести впечатление на госпожу Лаорэ: объединить все тома, хранившиеся в университетской библиотеке, в один-единственный – пусть и огромный, но всеобъемлющий. Это было нелегкое дело, но он, как истинный одержимый, ничего не боялся и поэтому трудился денно и нощно, не жалея сил, в течение долгих восьми лет. Великая Книга о медицине росла в глубокой тайне, потому что ее автор опасался, что кто-то присвоит себе его детище. Ах, если бы госпожа Лаорэ хоть раз поинтересовалась, чем так занят ее бывший ученик…

…Шуршат страницы. Цветок дурмана падает на стол и тотчас же превращается в горстку трухи. Чернила на желтой бумаге из черных делаются темно-красными, а потом изящная вязь строк распускается буква за буквой, и нити складываются в новый, кровавый узор, чьи символы напоминают знаки некоего загадочного алфавита. Знаки эти рассаживаются по странице стайкой паучков, растопыривших лапы, и чей-то голос начинает их читать…

Говорят, когда один из смотрителей спохватился, Книга уже очень разрослась и с нею справиться было невозможно. Людям оставалось лишь покинуть хранилище и позволить Книге пожирать том за томом, делаясь все сложнее и сильнее. Маги, едва им сообщили о случившемся, лишь руками развели: вызванный мной дьюс – итог бессонных ночей, упорного труда и безграничного честолюбия – оказался таким мощным, что удержать его не сумела бы ни одна

печать. Поэтому Книгу сожгли, не дожидаясь, пока она выберется наружу и отправится на поиски новых знаний… И вместе с ней сгорела вся библиотека до последней странички.

Вот это я хорошо помню: зарево в полнеба, разлетающиеся во все стороны хлопья сажи. Знания, собранные за пять веков, таяли вместе с дымом пожара, а я стоял в толпе зевак и не понимал, каким образом оказался снаружи. Потом меня увели в тюрьму и после суда, который состоялся дня через три, отправили на Дальние рубежи – в рудники, где добывают кристаллы-ловушки для фаэ. Там я провел восемь лет, но…

– Это уже неинтересно, – сказал Карел и застыл словно изваяние.

Первым заговорил Симон, странным образом утративший спесь и высокомерие. Его голос звучал очень спокойно, как будто лекаря вовсе не впечатлила история об уничтожении огромного собрания медицинских книг:

– Все это ложь, Карел… или как там тебя звать. Миранда Лаорэ не читает и никогда не читала лекций, она обходит студентов десятой дорогой, потому что те только лебезят перед ней, тщетно пытаясь выведать хоть какой-нибудь секрет. Я это точно знаю!

Карел вздрогнул и отвел взгляд, но ничего не сказал.

– Кто ты такой? – требовательно спросил лекарь. – Зачем попытался нас обмануть?

– Постойте, Симон! – вмешался мэтр Арно. – Давайте не будем делать поспешных выводов. Я уже выслушал сегодня две невероятные истории, эта будет третьей. Дьюс размером с целую библиотеку? Впечатляет, нечего сказать.

– Но это возможно, – заметил Теймар Парцелл. – Книга, написанная столь одаренным студентом, да к тому же одержимым желанием доказать своему учителю, что…

– Вы что, не слышали меня?! – Симон резко встал из-за стола. – Лаорэ. Никогда. Не преподавала. В университетах. Всё, господа, меня ждет пациент, так что прошу прощения!

Теперь он говорил с прежней язвительностью и каждым словом, каждым жестом выражал безграничное презрение к собравшимся, поэтому, когда лекарь скрылся из вида, все они вздохнули свободно.

Карел по-прежнему сидел неподвижно, словно погрузился в мир собственных воспоминаний, пусть и лживых.

– Но как же так? – спросила Дженна. – Неужели вы перестали лечить людей?

– Он все забыл, – ответил грешник вместо Карела. – Это из-за кристаллов-ловушек: человеческая душа во многом подобна фаэ, для которых эти кристаллы и предназначены. Те, кого отправляют в рудники, рано или поздно забывают свое прошлое, а вместе с воспоминаниями теряют и самих себя.

– Возможно ли, что некто выдумал для себя воспоминания, которых лишился столь трагическим образом? – задумчиво проговорил Арно. – Я полагаю, вполне. Это все объясняет, не так ли?

– Не люблю простых объяснений, – сказал Парцелл. – Но пока что вынужден согласиться. Временно, мэтр, только временно.

– Превосходно! – заулыбался печатник. – Дженна, милочка, бросайте кость!

Девушка повиновалась, и выпала единица, которую выбрал для себя лекарь. Но он ушел надолго, и никому не хотелось идти следом, поэтому Дженна с молчаливого согласия остальных бросила еще и еще раз – с тем же результатом.

– Судьба? – хмыкнул Арно. – Но наш достопочтенный лекарь ясно дал понять, что не желает продолжения беседы. Как мы поступим? – И он оглядел своих «товарищей по ненастью», ожидая ответа.

Никто из них, однако, не успел и слова промолвить, потому что в тот же миг откуда-то сверху…

4. Лезвие

…Раздался чей-то истошный вопль.

Первым вскочил Гром и ринулся вверх по лестнице; за ним последовали Марк, Карел и остальные. Им навстречу вылетела дрожащая Белла и упала в объятия брата, рыдая и что-то бессвязно бормоча. Почти сразу из их с Марком комнаты послышался громкий треск. Люди, подбежавшие к распахнутой настежь двери, стали свидетелями того, как в открытое окно рвутся побеги ледяной лозы, покрытой длинными шипами, и быстро оплетают все подряд.

– Прочь! – крикнул Парцелл. – Держитесь от нее подальше, не вздумайте приближаться!

Он рывком захлопнул дверь – точь-в-точь как совсем недавно прямо перед носом у снежного волка – и правой рукой, затянутой в перчатку, провел несколько замысловатых линий, будто рисовал печать без кисти и чернил. По ту сторону преграды громыхнуло: лоза ударилась в дверь, будто бы желая выломать ее вместе со стеной, но не тут-то было. Невидимая печать грешника держала так же крепко, как настоящая.

– Так, – проговорил Теймар, отступая на шаг, – надолго это ее не задержит. Поздравляю, господа! Наши жизни теперь в опасности, и я уже не уверен, что мы с вами доживем до ясной погоды…

– Ч-что происходит? – От страха Дженна начала заикаться. – Ради Создателя, что случилось?!

– Ничего особенного, – ответил Арно безмятежным тоном. – Просто у вас, милая, теперь на одного постояльца больше.

Ледяная лоза, будто откликаясь на его слова, принялась хозяйничать за дверью: судя по доносившимся звукам, вряд ли что-то из мебели могло уцелеть. Девушка побледнела и чуть было не лишилась чувств.

– Марк, вам придется заплатить хозяйке за ущерб, – продолжил маг. – Ведь это ваша сестра открыла окно и впустила фаэ в дом.

– Она впустила? – переспросил Гром. – Да ну, не может такого быть. Зачем?

– Вот и я хотел бы знать, – ответил Арно.

Марк, не говоря ни слова, заслонил Беллу собой, и рука его потянулась к поясу – вероятно, в поисках оружия, которого там не было. Гром, заметив это движение, недоуменно нахмурился, а мэтр Арно лишь хмыкнул, будто говоря: «Так я и думал…»

– Лекарь! – вдруг воскликнул Парцелл, словно происходящее вовсе его не касалось. – Где его комната? Чем он занят, что до сих пор не услышал этот шум?

– Она здесь… – Дженна обессиленно взмахнула рукой. – Рядом…

Парцелл в одно мгновение оказался возле соседней двери и открыл ее одним прикосновением – по ту сторону со стуком сдвинулась щеколда. На пороге он замер и взмахнул рукой, словно запрещая остальным входить, но на этот раз его не послушались.

Их взглядам открылось ужасающее зрелище: единственное окно было распахнуто, и лоза затянула все вокруг, превратив комнату в свои безраздельные владения; предыдущий же ее хозяин висел на одной из стен, пришпиленный несколькими ледяными иглами. Его лицо превратилось в белую маску, в широко открытых глазах стоял ужас…

Побеги лозы угрожающе зашевелились, ощутив присутствие чужаков, и грешник торопливо закрыл дверь, не забыв после изобразить на ней все тот же невидимый знак. Теперь уже не оставалось никаких сомнений в том, что буря за стенами «Горицвета» была необычной, а равно и в том, что все они могли не дожить до вечера, не говоря о рассвете.

– Создатель, какая ужасная смерть… – пробормотал Карел. – Мне жаль его…

Дженна закрыла лицо руками, ее плечи вздрагивали от рыданий. Гром взглянул на девушку с сочувствием и почти что протянул руку, чтобы коснуться ее плеча, но в последний момент передумал. Вновь повисло тревожное молчание, а потом Парцелл сказал ровным голосом:

– Я бы посоветовал перенести торговца на первый этаж. Лоза может разбить еще одно окно.

Гром и Карел взялись выполнять его просьбу, словно это был приказ, а Дженна последовала за ними. Марк опасливо взглянул на золотоглазого человека, но тот будто позабыл о существовании брата и сестры, чье присутствие, похоже, и влекло снежных фаэ. Он тяжело вздохнул, потер запястье правой руки и направился в сторону лестницы, но путь ему преградил мэтр Арно.

– Выходит, ты принадлежишь к числу Охотников? – спросил маг не скрывая иронии. – Тех, кому не нужны кисти и тушь? Ты обманывал всех нас с самого начала. «Просто» путешественник, оказался здесь «случайно». А я-то, старый дурень, тебе поверил…

– Дайте пройти, – попросил грешник. – Дорога каждая минута, вам это известно не хуже, чем мне.

– Что же ты стоишь?! – взвился Марк. – Быстрее, сделай что-нибудь!

Но никто его не слушал…

Теймар Парцелл спустился на первый этаж и, не обращая внимания на царившую там суету – Дженна с помощью ключ-кольца заставила лавки и столы передвинуться, чтобы устроить больного поудобнее, – подошел к камину. Там он взял кочергу и, сунув ее в огонь, застыл в ожидании чего-то известного лишь ему одному. Мэтр Арно, спустившийся следом, уселся в свое кресло и достал трубку, но разжигать ее почему-то медлил.

– Откуда ты пришел, Охотник? – вдруг спросил он тихим голосом. – И за кем?

– Никакой я не Охотник, – ответил Парцелл, не поворачивая головы. – Охотники служат аристократам из летающих городов, словно верные псы, а я служу

только своим принципам. Можете не верить, мне до этого нет дела… А куда лежит моя дорога, мэтр, вам лучше не знать.

– Вспомнить бы, где я слышал твое имя… – проговорил маг, сокрушенно вздыхая. – Не память, а дырявое решето. Старость, что поделаешь! А правду говорят, что грешники бессмертны?

– Нет, – буркнул Парцелл. – Точнее, не все и не всегда. Пока не попробуешь, не узнаешь.

– И ты пробовал? – тотчас же спросил Арно, но ответом ему была лишь тишина. Печатник усмехнулся, как будто и не ожидал ничего другого. – Ладно. Знаешь, я давно хотел встретить Охотника, чтобы выведать одну вещь: каким образом у вас получается рисовать печати без кисти и туши? Уважь старика, открой мне эту тайну…

– Да нет никакой тайны… – отозвался Парцелл. – Когда я вчера сказал, что не различаю цветов, о чем вы подумали? Готов спорить, о черно-белой картине, напрочь лишенной всех остальных цветов спектра. На самом деле я вижу мир золотым. И знаете, что делает его таким?

Арно медленно кивнул.

– Потоки силы творения, – сказал он хриплым от волнения голосом. – Можешь не продолжать, я все понял…

История Арно, или Тот, кто был до Потопа

– Видишь ли, друг мой, не желающий называть себя Охотником, я многое повидал за свою долгую жизнь. О-о, я живу на этом свете так давно, что уже и не припомню точно год своего рождения… Память, проклятая изменщица! Но это все не важно. Когда-то я был владыкой Цитадели семи печатей, и при одном лишь звуке имени, которое я носил в те годы, трепетали даже самые сильные духом. Дворцовый дьюс, с которым мы порою вели интереснейшие беседы ночи напролет, люто ненавидел меня, но вырваться на волю не мог…

Но однажды во дворец пришел незнакомец. Был он чем-то похож на тебя – такой же молчаливый и отстраненный, словно и не человек вовсе, а ожившая статуя. Он попросил дозволения взглянуть на наше собрание книг. Уже и не помню, объяснив ли хоть как-то свое странное желание.

Ты можешь себе представить, что произошло? Можешь, конечно. Я отказал ему, безродному бродяге, да еще и жестоко высмеял его… Я был тогда в весьма дурном расположении духа. Он спокойно выслушал мои язвительные слова, а потом промолвил: «Что ж, я так и думал. Раз вы не ответили на скромную просьбу странника, у которого не было другой цели, кроме стремления к знанию, пеняйте на себя!» И в тот же миг случилось нечто невероятное: все печати, сдерживавшие дворцовых дьюсов, исчезли! На свободу вырвались полчища мелких духов, пребывавших в услужении очень давно и накопивших немало злобы на тех, кто пользовался их телесными оболочками. Сам понимаешь, нам пришлось несладко, и о незнакомце все забыли. Он же совершенно беспрепятственно отправился в библиотеку и все время, пока печатники были заняты усмирением дьюсов, просидел там, листая древние тома. Следует заметить, что в его присутствии духи вели себя мирно, будто овечки, и даже всячески старались ему услужить – я это сам увидел, потому что в конце концов вспомнил о чужаке и проследовал за ним, все еще не понимая, с кем имею дело.

«А-а! – сказал он, подняв глаза от книги. – Вот ты и пришел. Ты знаешь, кое-кто умоляет меня отпустить его, чтобы вы могли побеседовать с глазу на глаз. Как считаешь, мне следует пожалеть его или тебя?»

И я почувствовал нетерпение дворцового дьюса – жуткой тысячелетней твари, которая, ощутив близкую свободу, уже начала представлять, что именно сделает со мной. Конечно же, я понял намек странника и, остановившись на почтительном расстоянии, опустил на пол кисть и чернильницу. Увидев это, он рассмеялся и проговорил: «Вы, глупцы, все еще зависите от этих игрушек? И, верно, считаете себя по-настоящему могущественными. А ведь прямо перед вашими заносчиво задранными носами текут потоки силы творения, но вы не в силах воспользоваться ими вместо чернил…»

Я не успел ничего сказать или сделать. Он каким-то странным образом оказался рядом, взглянул мне в глаза, а показалось – прямо в душу. На мгновение я увидел его тем зрением, которым печатники смотрят на вещь рукотворную, чтобы увидеть, какие на ней есть печати, и испытал настоящий ужас: в жилах этого человека, который и не был на самом деле человеком, текли реки

расплавленного золота, собираясь в океан – бескрайний, ослепительно сияющий.

Потом он показал мне, каким был наш мир до того, как Река творения вышла из берегов и затопила все вокруг. О-о, Создатель, я даже не знаю, как это описать! Представь себе, что до Потопа книги в библиотеке можно было складывать как угодно, не боясь, что они срастутся и обретут свободную волю! Нарисованная картина не оживала, никогда не оживала, пусть даже изображенные на холсте или бумаге люди и казались настоящими! А если бы столяр заявил кому-нибудь, что получил пинок под зад от новенькой табуретки, его сочли бы безумцем. Мастерам не нужно было уродовать свои произведения, чтобы тем самым ослабить дьюса, готового в них вселиться; вещь без изъянов оставалась… просто вещью, и не более того. Ах, какие сложные машины могли строить люди в те времена! Наши махолеты показались бы в сравнении с ними детскими игрушками, потому что эти машины умели все…

Мой дар там был бы совершенно бесполезным, однако я затосковал по иной жизни.

«Кто ты? – спросил я чужака, с трудом подбирая слова. – Не сам ли Создатель посетил меня?»

«Я всего лишь хранитель, – был ответ. – Я храню память о мире, которого больше нет. Не призывай Создателя, он отдал свою силу людям и покинул нас! А знаешь ли ты, зачем он это сделал?»

Он вновь взглянул мне в глаза и показал на этот раз сам Потоп – день, когда мир вдруг оказался переполнен дьюсами, пришедшими из иного мира, чтобы заполнить собой все до единой вещи рукотворные, которых было предостаточно. Никто не знал тогда о печатях, и начался великий хаос, истинное безумие!..

«Ты понял?» – спросил меня чужак, но я сумел лишь покачать головой.

Тогда он сказал: «Ты поймешь!» – и исчез бесследно, как будто растаял.

Моя история почти закончена. Вскоре после случившегося я покинул Цитадель, и мой преемник тут же начал распускать слухи о том, что именно из-за моей оплошности дьюсы вырвались на свободу и ее же едва не заполучил могучий дух, которому по силам было не только снести сам дворец до основания, но и

разрушить пару-тройку городов средней величины. Впрочем, меня это уже не волновало, потому что путь мой лежал в иные края: туда, где в последний раз видели странника, способного освобождать и усмирять дьюсов, не используя печатей.

Он ведь так и не объяснил мне, зачем все это было нужно Создателю…

Едва Арно закончил свой рассказ, как раздался громкий женский визг. Издала его Дженна, и девушку вполне можно было понять: по лестнице шустро ползли, извиваясь и покачивая головами, четыре красноглазые гадюки. Печатник, взглянув на них, едва не выронил трубку, а Гром тотчас же ринулся в бой – давить гадин. Но змеи оказались быстрее: четырьмя молниями они скользнули к Парцеллу и почти мгновенно обвили его щиколотки и запястья, превратившись в кожаные ремни, украшенные замысловатыми узорами. Их головы-пряжки были выполнены очень искусно, и во взгляде Арно изумление сменилось легкой завистью.

– Замысел Создателя… – пробормотал грешник, качая головой. – Как будто смертные вроде нас могут его постичь! Но одно скажу точно: тот мир заслуживал Потопа. Человеку, который берется умножать количество вещей рукотворных, следует всегда помнить об одной простой истине: каждый творец всегда в ответе за свое творение. Все справедливо, по-моему. И самое главное…

Он не договорил – наклонился, правой рукой потянул кочергу из огня, не обращая внимания на языки пламени, жадно кинувшиеся лизать его перчатку. Все застыли в изумлении, глядя на вещь, в которую превратилась кочерга: больше всего это напоминало серп, но совершенно кошмарного вида – необыкновенно длинный, с зазубринами и выступами, да к тому же алый, раскаленный. От прикосновения к горячему металлу кожа перчатки начала обугливаться и вскоре расползлась лохмотьями, но с рукой Парцелла ничего страшного не произошло… потому что она была такой же золотой, как и его глаза.

– Самое главное, – вновь проговорил он, с удовлетворенной улыбкой разглядывая жуткое оружие, – в том мире я был бы калекой. Разве грешно желать возврата того, что утратил не по своей вине?

Не дожидаясь ответа, Теймар Парцелл отправился на второй этаж – судя по доносившимся оттуда звукам, незваные гости «Горицвета» уже заняли куда больше двух комнат.

5. Всего лишь вещь

– Тебе больно? – спросила Ивер.

Грешник сидел на пороге, уронив голову на руки; пальцы были в крови. За его спиной виднелась разгромленная комната, усеянная мертвыми ветками ледяной лозы: они быстро таяли, превращались в воду, но разбитая мебель и посеченные серпом стены никуда не девались.

– Тебе больно? – опять спросила девочка и приблизилась, с трудом преодолевая страх. Она чуть было не споткнулась о кочергу, валявшуюся на полу. – Я позову Дженну… сама она сюда не придет, побоится…

– А ты не боишься? – послышался приглушенный голос грешника.

– Тебя или лозы? – уточнила Ивер с кокетливой усмешкой, которой сама от себя не ожидала, и Парцелл поднял голову. Его лоб и щеки были покрыты порезами, которые заживали на глазах, и почему-то Ивер знала: следов не останется. Слепой взгляд золотых глаз больше ее не пугал – страх ушел, а освободившееся место заняла жалость. Хотя на его правую кисть она все-таки старалась не смотреть.

– Пойдем-ка вниз, храбрая птичка, – сказал он и поднялся, держась за стену. – Моя работа только начинается!..

Когда Парцелл спускался по лестнице с кочергой наперевес, за ним наблюдали шесть пар глаз, в которых можно было прочитать любое чувство – от любви до ненависти. Но наблюдавшим оставалось только догадываться, куда смотрит он сам и о чем думает, потому что минута слабости, невольной свидетельницей которой стала Ивер, уже прошла.

– Ты их уничтожил? – От волнения Марк дрожал, как перепуганный заяц. – Всех?!

– А как же! – ответил Гром вместо Парцелла и кивком указал наверх: – Ты слышишь, какая тишина? Спасибо, парень! Я твой должник…

– Не стоит торопиться, – сказал грешник, качая головой. Кочергу он отпустил, и та в два прыжка оказалась на положенном ей месте у камина, где и замерла неподвижно, как подобает рукотворной вещи. На время объединившийся с нею фаэ огня незаметной искрой скользнул в очаг. – Я прогнал лозу, обратно она полезет нескоро, но наш противник – существо совсем иного порядка.

– Как же так?.. – растерянно пробормотала Дженна, потирая ключ-кольцо. – Неужели мы обидели кого-то из могущественных фаэ?

– Похоже на то, – кивнул Парцелл. – Теперь следует выяснить, в чем дело. И я свои слова назад не беру – мы вполне можем не дожить до рассвета.

Он замолчал, и тут заговорил Арно.

– Марк, – спокойно сказал печатник, – не пора ли вам с сестрой поведать свою историю? Это ведь именно за вами пришли фаэ, а пострадал наш несчастный доктор.

Юноша побледнел, и на его лице появилось непреклонное выражение: не иначе, он решил последовать примеру сестры и замолчать навсегда. Арно сокрушенно вздохнул, а Гром, досадливо морщась, сжал кулаки – в его намерении выбить требуемую историю силой усомнился бы лишь слепой.

– Не утруждайтесь! – раздался вдруг голос, при звуке которого вздрогнули все до единого. – Он ничего не расскажет, но это вполне могу сделать я, поскольку история у нас общая!

По лестнице спускался Симон – в мокрой одежде, покрытой пятнами крови, бледный, дрожащий, но живой.

История Симона, или Охотник и жертва

– Не пугайтесь, я не призрак и не оживший покойник. Впрочем… последнее не так уж далеко от истины. И я не солгал, назвавшись лекарем Симоном, это и в самом деле мое имя и моя работа, но ровно до того момента, пока Достопочтенному Аладоре, повелителю летающего города Ки-Алира, не понадобятся вновь услуги его верного Охотника.

В Ки-Алире есть немало мастеров, способных создавать восхитительные произведения, которых не постыдились бы и кудесники Золотого века. Мастера эти знают о своей исключительности и редко упускают случай ею похвалиться, я бы даже сказал, что заносчивость во многом превосходит их таланты. Впрочем, Достопочтенный покровительствует лучшим из лучших, не обращая внимания на их добродетели и пороки, ему важен лишь результат – нечто необычное, непростое! Примерно год назад он устроил в своем дворце праздничный ужин, на который созвал всех мастеров и задал им один вопрос: «Может ли вещь рукотворная по красоте своей сравниться с нерукотворной, не убив при этом создателя?» Они наперебой стали уверять своего покровителя в том, что такое возможно и, более того, любому из них вполне по силам создать подобную вещь. Тогда герцог дал мастерам три месяца на то, чтобы выполнить обещанное; тут они поняли, что его вопрос вовсе не был шуткой, и перепугались. Несчастные от страха потеряли головы. Кое-кто попытался даже бежать из города, но Достопочтенный подумал об этом заранее и принял меры: ни один махолет не брал на борт людей из квартала Искусников, а другого способа покинуть летающий город нет. Немногим хватило самообладания на то, чтобы по-настоящему заняться непростой задачей Аладоре, и лишь одному эта задача оказалась по силам. Когда три месяца истекли и мастера вновь оказались во дворце Аладоре – многие думали, что настал их смертный час! – к Достопочтенному подошел молодой человек и сказал, будто готов создать вещь невиданной красоты, без единого изъяна, и не сомневается, что при этом останется жив. Смелость юноши покорила Аладоре, он согласился на все условия отважного мастера: предоставил комнаты во дворце, заказал сырье у лучших поставщиков…

Время шло. Юноша работал, не допуская никого в свою мастерскую, а Достопочтенный изнывал от нетерпения. Искусник то и дело требовал новые ингредиенты, один чуднее другого, поэтому неудивительно, что по дворцу поползли слухи: говорили, что юный мастер на самом деле обычный пройдоха, который сумел обвести вокруг пальца самого повелителя Ки-Алиры. Аладоре,

конечно же, не мог оставить это без внимания и потребовал от искусника объяснений. Тот долго упирался, но потом – не без помощи герцогских палачей – все-таки согласился объяснить и показать, что именно он создает. В мастерскую они вошли вдвоем с Аладоре, а обратно герцог вышел один – улыбающийся, будто мальчишка. Больше он не тревожил мастера и дал тому спокойно работать до окончания полугодового срока.

Однако за день до того, как вещь должны были вручить хозяину, она исчезла вместе с мастером. Я долгих три месяца выслеживал их обоих в небе и на земле, но теперь наконец-то мои поиски увенчались успехом…

– Так вы… Охотник? – изумленно пробормотала Дженна. – Настоящий?

– Посмотрите на его правую руку, – сказал Парцелл, и все увидели: накладной ноготь на мизинце Симона сломался, а под ним обнаружился другой – блестящий, будто золотая чешуйка. – Самой малости порою достаточно, чтобы изменить единое целое. Вы спрашивали, Арно, бессмертны ли грешники? Вот и подтверждение моих слов. Нет и да. Мы умираем, но потом дьюс заполняет собой пустоту, и мы вновь живы. Просто одни выбирают такую участь сознательно, а у других нет возможности выбирать…

– У нас с тобой нет ничего общего! – рявкнул Симон. – И лучше бы тебе помалкивать, пока я еще здесь!

Парцелл пожал плечами с равнодушным видом, а «лекарь» повернулся к Марку и его сестре – те стояли в углу, прижимаясь друг к другу, и не пытались никого просить о помощи.

– Но где же вещь? – спросил Гром, растерянно хмуря лоб. – Ты нас дуришь, Симон, или как тебя там звать на самом деле! Такое чудное творение мы бы сразу заметили!

– А мы ее заметили, – ответил вместо Охотника мэтр Арно. – Только не поняли ничего.

В следующий миг Симон поднял руку и начертил в воздухе какой-то знак. Марк вскрикнул и вновь попытался заслонить собой сестру, но Белла с неожиданной силой его оттолкнула. Шелковые одеяния девушки всколыхнулись, нарисованные цветы и птицы ожили – печать, которая заставляла дьюсов постоянно удерживать один облик, была снята…

Лицо Беллы превратилось в маску.

Очень красивую маску, изготовленную из дерева ромиш и мастерски раскрашенную. Ее легко было принять за человеческое лицо, но только не вблизи: сквозь краску просвечивала отполированная древесина, резные черты хранили неподвижность, а стеклянные глаза неприятно поблескивали.

– Созда-атель… – выдохнул кто-то. – Это ведь кукла!

Красивые губы тронула усмешка. Белла обвела собравшихся тяжелым взглядом, который бестрепетно сумел выдержать лишь Парцелл, взмахнула рукой – теперь отчетливо был виден каждый шарнир на ее тонких пальцах – и сказала хриплым голосом:

– Возможно, вы согласитесь выслушать и нас?

– Нет! – быстро проговорил Охотник. – Хватит, тварь, набегалась! Я не прощу тебе этого открытого окна, не прощу ледяную лозу! Ты знаешь, как больно умирать? Все, достаточно с меня твоих фокусов…

– Пусть расскажут! – перебил его грешник. – Интересно ведь… – Заметив яростную гримасу Симона, он прибавил: – Или ты хочешь помешать им… и мне?

Воцарилась мертвая тишина. Лишь мэтр Арно понимал, что происходит: невольно все они стали свидетелями того, как раскрылся едва ли не самый главный секрет Охотников, секрет их власти над рукотворными вещами и духами. Рискуя разумом и жизнью, они делали с собой то, что Симон совсем недавно называл грехом, – и чем больше был риск, тем ценнее оказывалась награда победителю. Но разве могла сравниться жертва Симона с той, которую принес Парцелл, хотя бы и против своей воли? Вот и получалось, что итог возможного сражения между двумя грешниками был предрешен… если, конечно, «лекарь» не припрятал в рукаве еще один козырь.

– Бродяга… – Симон презрительно скривился. – Ты не знаешь, с чем вздумал играть. Тот, кто согласился тебе помочь, безумен – он выпустил в мир чудовище!

– У тебя не осталось другого оружия, кроме оскорблений? – спокойно поинтересовался Парцелл. – Тогда замолкни и дай нам выслушать последнюю историю. Пожалуйста, Марк!

Искусник ответил не сразу – взглянул на живую куклу, творение своих рук, и лишь потом заговорил, тихо и несмело…

История Марка, или Волшебное слово

– Аладоре спросил: «Кто из вас лучший?»

Мы пировали в его дворце, как бывало не раз, и мало кто обращал внимание, что его светлость то и дело отводит взгляд, прячет под напускным весельем какие-то тяжкие думы. А вопрос этот он и раньше задавал, когда желал поручить одному из мастеров особый заказ. Большая ответственность, но и награда немаленькая… Стали называть имена. Аладоре слушал и молчал, а в глазах у него сгущались тучи.

«Я хочу, – сказал он, когда все стихло, – чтобы через три недели вы мне показали вещь, которая будет столь же красива, как белая лилия на рассвете или вызолоченный осенью клен, но при этом не убьет своего создателя. Пусть она окажется такой же прекрасной, как облако над бескрайним морем, как улыбка юной красавицы, но не станет при этом смертоносной бестией! Вы поняли меня?»

Вот тут стало по-настоящему тихо, и лишь глава Гильдии Искусников осмелился сказать, что подобное невозможно, на что Аладоре ответил коротко: «Три месяца вам даю».

И захлопнулись для нас ворота Ки-Алиры, закрылись навсегда. Был город – стала тюрьма. Через три месяца нас начали уводить во дворец по одному, и никто не вышел обратно. Созвали совет Гильдии, да только что могли предложить

перепуганные мастера? Никто не хотел умирать, но вопрос Аладоре так и оставался без ответа. Я подумал в тот день, что герцог не успокоится, пока не перебьет всех, и решил: раз ждать я не в силах, пусть хоть кто-то на день дольше проживет… И пошел во дворец сам.

А когда с герцогом лицом к лицу встретился, меня будто молнией ударило: все равно умирать! Так хоть обману его напоследок, выиграю время для остальных – хоть месяц или два, а там они что-нибудь придумают и спасутся. Но вышло так, что сначала я сам себя обманул – думал, будто делаю всего лишь вещь, пусть и очень красивую…

Остальное вы знаете.

История вышла короткой и непонятной: Марк, жадно ловивший каждое слово чужих рассказов, собственными тайнами делиться не желал. Он посмотрел на Парцелла со смесью смущения и благодарности, а потом протянул руку и привлек к себе Беллу, которая все это время исподлобья глядела на Охотника.

Всем вдруг показалось, что эти двое на самом деле – одно.

– Ох уж эти мастера! – сказал Парцелл, усмехаясь. – Не хотел много говорить, мог и вовсе одним словом отделаться.

– Каким?! – нетерпеливо спросила Дженна. – Каким словом?

– Волшебным, – хмыкнул грешник. – Тем, которое каждый хочет услышать.

Человек и кукла стояли обнявшись, готовые принять судьбу, от которой уже некуда было скрыться. Казалось, они никого не видят вокруг.

– Любовь… – пробормотал Гром. – Надо же…

– А я, признаться, не вижу в этом ничего удивительного, – сказал Арно. – Он думал, что умрет, и поэтому вложил в свое последнее творение все силы, весь талант… и любовь, конечно же! Но я рискну предположить, что с тех самых пор он ничего больше не создал. Так, Марк?

Юноша не успел ответить.

– Хватит, мне это надоело! – рявкнул Симон и взмахнул рукой. Беллу отшвырнуло в сторону и прижало к стене с такой силой, что она не могла пошевелить ни рукой, ни ногой. На кукольном лице отразилась ярость, с губ сорвалось почти змеиное шипение. – Видит Небо, я хотел все сделать тихо, по-хорошему – связать тебя печатями и отвезти к Аладоре, но ты сама напросилась. Достопочтенный перебьется без новой игрушки, а лозу я тебе не прощу! Пожалеешь еще, что она не добралась до тебя раньше… Ни с места!

Парцелл, к которому относились эти слова, замер.

– Ни с места! – повторил Охотник. – Я слабее тебя, бродяга, но ты кое о чем позабыл – о печатях, связывающих тебя и твоего дьюса. Любую из них можно снять, уж на это моих сил вполне хватит… Что тогда с тобой будет? Такой сильный дьюс, избавившись от оков, вполне способен свести хозяина с ума или даже разорвать его изнутри!

– Я могу сделать с тобой то же самое, – сказал Парцелл. – Не веришь?

– Кто быстрее? – язвительно поинтересовался Охотник, поднимая руку.

И в этот миг мэтр Арно очень спокойно произнес:

– Быстрее всех буду я.

6. Снежный волк

Две тонкие полоски бумаги, зажатые в пальцах старого печатника, трепетали словно крылья мотылька, готовые вырваться и полететь туда, куда прикажет хозяин. Оба грешника застыли на месте, ошеломленные столь неожиданным поворотом событий, а мэтр Арно сказал:

– Как логично и справедливо в этом мире все устроено, не так ли? Не стоило вам забывать, друзья мои, что на каждую силу найдется еще большая сила. Уж если вам двоим и впрямь охота подраться – прошу во двор, там как раз собрались благодарные зрители. В противном случае я без промедления лишу дьюсов вас обоих. Хотите рискнуть?

– Мэтр, я бы не советовал… – начал Парцелл, но печатник не дал ему договорить:

– Не надо лишних слов, юноша, вы оба и так мне порядком надоели. Ну-ка, повернитесь друг к другу спиной! Вот так, превосходно. Да, я знаю – это небольшая помеха, но так у меня будут несколько секунд форы… в крайнем случае, конечно же.

Парцелл выглядел спокойным, если только его золотые глаза не вводили зрителей в заблуждение, а вот Симон едва не лопался от ярости, но состязаться с печатником в скорости не решался. Охотники, почти бессмертные и бесстрашные, все-таки не отличались неуязвимостью, и в каком-то смысле Симон был сам виноват: ведь именно он напомнил Арно, что своей невероятной силой грешник обязан дьюсу. А если есть печать, то ее можно снять…

– Дженна, милочка! – попросил Арно. – Проверьте, как там наш торговец?

Она послушно направилась к импровизированной постели, на которую уложили Рыжего. Карел, сидевший рядом с больным, отпрянул: он как будто и не заметил, что минуту назад вокруг происходило что-то странное, и теперь выглядел испуганным и смущенным.

– Ох, мэтр! – воскликнула Дженна. – Он спит! Просто спит, а не впал в забытье!

– Невозможно! – презрительно фыркнул Симон. – Он не жилец, к утру лихорадка убьет его. Я ведь лекарь, не забывайте!

Девушка растерянно пожала плечами:

– Подойдите и посмотрите сами…

Позабыв обо всем, они ринулись к торговцу, чтобы убедиться в правоте Дженны: «больной» спал сном праведника и даже негромко храпел. Его лицо чуть порозовело, но румянец не выглядел горячечным и свидетельствовал лишь об одном: Рыжий был совершенно здоров.

– Чудеса! – воскликнул Гром и боязливо отодвинулся от спящего. – Так он никак тоже этот… ну-у… грешник?

– Нет! – разом ответили Симон и Парцелл, не глядя друг на друга.

Арно наклонился, словно желая рассмотреть Рыжего поближе, и тут торговец проснулся.

– Создатель! – заорал он, вскакивая и озираясь по сторонам. – Где я?!

– В безопасности! – тотчас же заверил его печатник, но Рыжий был столь испуган, что едва ли понимал обращенные к нему слова. – Тебе ничего не угрожает, ты жив-здоров и таковым останешься… вероятно. Сядь!

Но это не помогло. Хоть нанесенные холодом раны и исчезли бесследно – в этом явно не было заслуги Симона, – остались другие увечья, не менее серьезные. Взгляд у торговца сделался пустым, стеклянным – даже в искусственных глазах Парцелла было больше жизни, – а еще он внезапно начал дрожать так сильно, что в наступившей тишине все отчетливо услышали, как стучат его зубы.

– Я ее в-видел… – отрешенно проговорил он, ни к кому не обращаясь. – Она б-была к-красивая… бледная… глаза как звезды! И п-просила вернуть… что-то. Мы говорили – не знаем! У нас ничего нет! А она не п-поверила… Томас!..

Он упал на колени и зарыдал, раскачиваясь из стороны в сторону. Рыдания становились все громче – казалось, несчастный вот-вот задохнется от беззвучного крика, – но тут Парцелл вновь начертил в воздухе невидимый знак и как будто подтолкнул его в сторону торговца. Спустя всего лишь пять секунд Рыжий судорожно вздохнул и затих.

– Ох, спасибо! – благодарно воскликнула Дженна. – Но как ты это сделал?

– Я говорил уже, что душа человека похожа на фаэ, – ответил грешник, поворачивая бледное лицо к девушке. – С духами природы намного сложнее договориться, чем с дьюсами, но все-таки это возможно. Хм. Дженна, а ты ничего не хочешь нам рассказать?

– Я?! – Девушка взглянула на Парцелла с тревогой и удивлением. – О ч-чем я могу рассказать? Нет, это…

Сильный удар в дверь прервал ее, и следом за ним раздался еще один. Стены «Горицвета» затрещали, словно гостиница была орехом, который кто-то пытался раздавить, а потом сквозь щели в досках начали пробиваться побеги ледяного плюща – сначала робкие и несмелые, они быстро набирали силу и расползались во все стороны, на глазах захватывая все больше пространства. От нового мощного удара дверь слетела с петель; в дом ворвалась метель, а на пороге встал белоснежный зверь – такой огромный, что его уши почти касались потолка. Тот, что некоторое время назад напал на Грома, против него казался щенком. Глаза у хищника зло блестели, с оскаленных зубов капала на пол слюна, а по острым шипам ошейника бежали синеватые искры.

Ключ-кольцо на пальце Дженны вспыхнуло, и в ответ на это над камином, куда еще не дополз плющ, загорелась алым печать – цветок с пятью лепестками. Под полом что-то дрогнуло, заворочалось; от каждой вещи в комнате отделилась огненная тень и потянулась к цветку, который становился все ярче – вскоре на него уже невозможно было смотреть. Снежный волк оглушительно завыл, и повеяло лютым холодом, но в тот же миг полыхнул горицвет. От прокатившейся по залу волны тепла ледяной плющ мгновенно растаял и даже грозный фаэ отступил… но всего лишь на полшага. Почти сразу он сердито заворчал, лязгнул зубами, и Дженна вновь подняла руку с ключ-кольцом – прикусив губу от боли, потому что кольцо сильно нагрелось и жгло ее палец.

– Нет! – вдруг крикнул Парцелл и сжал тонкое запястье девушки. – Остановись!

Юная хозяйка «Горицвета» была готова позволить дьюсу гостиницы самому разобраться со снежным волком. Такое противостояние окончилось бы, по всей вероятности, не в пользу снежного фаэ, потому что на стороне дьюса была более могущественная стихия – огонь, но вот что произошло бы дальше? Могущественного духа, заполучившего свободу, непросто загнать обратно в темницу…

Ключ-кольцо погасло, а вместе с ним – и решимость Дженны.

– Мы погибли… – прошептала она. – Это конец.

– Вовсе нет, – сказал грешник. – Ты забыла про Ивер.

Дженна посмотрела на золотую руку, которая продолжала сжимать ее запястье, потом перевела взгляд на хозяина руки. Лицо Теймара Парцелла было по-прежнему непроницаемым, и все же девушке вдруг показалось, что в его искусственных глазах блестят лукавые искорки.

– Ивер? – проговорила она, с трудом сдерживая подступающие слезы. – Так ты все это время видел ее и молчал?!

И тут снежный волк, будто устав ждать, зарычал и ринулся прямо на них. Но за миг до того, как кто-то успел хотя бы испугаться, прямо перед носом у хищника из воздуха соткалась человеческая фигура – девочка-подросток в простеньком платьице, курносая и с двумя забавными хвостиками. Совершенно обычная девочка, если не считать того, что была она прозрачная, словно стеклянная статуя.

– Лежать! – приказала она, и фаэ тотчас же повиновался – улегся у ног незнакомки, будто послушная собака, даже хвостом вильнул. – Ну вот, – сказала девочка, обернувшись к растерянным людям. – А вы боялись…

7. Ивер

«Пойдем со мной, – сказала белая женщина. – Ты же моя. Ты не принадлежишь этому миру и никогда не принадлежала. Пойдем, мне так плохо без тебя!»

Снежный волк лежал у ее ног, еле слышно поскуливая от удовольствия, – он тоже соскучился. Ивер почесала волка за ухом и услышала чей-то удивленный возглас.

– Он хороший, – проговорила она и вдруг поняла, что нарушила строжайший запрет Дженны. – Ой, простите! Я не хотела никого…

Ее сестра всхлипнула и уткнулась в плечо Парцеллу. Долговязый Охотник, восставший из мертвых, и старик с трубкой смотрели на нее с интересом, мастер со своей куклой – испуганно, а во взгляде Карела была одна лишь жалость, возмутившая девочку до глубины души. Раз уж главный запрет был нарушен, об остальных беспокоиться не имело смысла, и она вознамерилась сказать лекарю-недоучке все, что о нем думает. Но тут здоровенный Гром приблизился и спросил:

– Говоришь, он ручной? Ивер?.. Или как тебя там?

– Ага… – только и смогла она сказать в ответ.

Гром осторожно протянул руку, коснулся белой шерсти – волк даже ухом не повел – и почти сразу отшатнулся. Кончики его пальцев побелели, как будто он дотронулся до чего-то очень холодного.

Девочка посмотрела на свою руку – та была… прозрачной.

«Ты не принадлежишь этому миру и никогда не принадлежала…»

– Дженна! – растерянно воскликнула она, чувствуя, как учащенно забилось сердце в груди. – Что со мной такое?!

– Ивер, – ответил вместо Дженны Парцелл, – помнишь, что случилось с тобой в начале зимы?

…Ясный зимний полдень, лютый мороз. Укрытый белым покрывалом Визен серебрится в лучах холодного солнца: сквозь сугробы прорастают ледяные деревья, в чьих стволах струится бледно-голубая кровь, а посреди пустынных улиц поднимаются маленькие фигурки, похожие на детей, и начинают танцевать. Они танцуют обычно по двое-трое, но в сильные холода, когда мало кто отваживается высунуть нос на улицу, собирают большие хороводы. Говорят, если кто живой угодит в лапы к этим созданиям, его уже не спасти.

Ивер стоит посреди тихой улицы, одна. На ней теплая шубка и пушистые рукавицы, а новые сапоги ласково льнут к ногам. Отчего же никого нет вокруг? Она оглядывается в поисках своих товарищей по играм, но вместо них видит лишь ледяных плясунов, которые завели танец на соседнем перекрестке. Фаэ движутся бесшумно, даже снег не скрипнет под их тонкими ножками, и от тишины звенит в ушах.

Но как же она попала в их хоровод?..

Тонкая лапка ледяного плясуна на ощупь теплая, совсем живая. У него смешная остроносая мордочка и озорные глазки-бусинки, как у котенка. Рядом с Ивер танцуют пять… нет, сразу семь духов зимы! Поначалу еле слышная музыка становится все громче и громче, ритм ускоряется, и девочка едва поспевает за своими новыми друзьями. Почему-то она твердо уверена, что нельзя сбиться, нельзя мешать хороводу, но это так трудно!

«Давай помогу, – шепчет кто-то на ухо. – У тебя почти получается, надо только запомнить мелодию. Она не меняется, просто надо двигаться быстрее!»

Дальше они танцуют вместе – Ивер и ее неведомая помощница. Ледяные плясуны удивленно переглядываются, хихикают, а потом вдруг вихрем срываются с места и бегут-летят по улице, на которой по-прежнему нет ни души. Девочка бежит с ними, смеясь, и та, что нашептала ей на ухо секреты танцоров, тоже смеется.

И лишь к вечеру Ивер вспоминает, что дома ее ждут…

– Это все из-за меня, – сказала Дженна, продолжая всхлипывать. – Я заболела, а на улице как раз разыгралась метель вроде сегодняшней. Никто не отваживался отправиться к нашему лекарю за каким-нибудь целебным снадобьем, он же на другом конце города живет! Ивер вызвалась идти, матушка не пустила…

– И она пошла тайком?

– Да. Долго потом искали, так и не нашли… пока сама не вернулась через неделю. Такая, как сейчас… И с той поры ее вижу только я, да и то не всегда.

– Дженна!

Парцелл резко поднял голову и проговорил с укором:

– Ивер, не надо кричать. Сейчас она тебя не видит, разве не понятно?

– Но как… как же так? – пролепетала девочка, глядя на свои руки, которые то становились совершенно прозрачными, то вновь обретали некое подобие живых красок. – Что со мной такое?

«Иди ко мне».

– И эти голоса! – Она зажала уши ладонями, но лучше не стало. – Да когда же они прекратятся!

Волк посмотрел на нее встревоженно, словно желая сказать: «Что? Долго ты еще будешь медлить? Пойдем!» Ивер, дрожа, отступила на шаг: теперь все люди, собравшиеся в темной и душной комнате, казались ей чужими, злыми, опасными…

Она вдруг поняла, что должна ответить на зов белой женщины.

И все кончится.

– Ивер! – закричала Дженна. – Ивер, не уходи! Я не смогу без тебя жить!

«Не слушай ее. Ты моя. Пойдем!»

– Я не могу остаться… – проговорила она, внезапно осознавая всю правду о том, что произошло в начале зимы. – Ведь я… умерла?

«Я устала ждать. Если ты не вернешься сама, то…»

Шум и завывания ветра снаружи сменились абсолютной тишиной, и лишь снежный волк что-то сумел расслышать – он вскочил, вздыбил шерсть на загривке. Люди тоже встревожились, но того, что случилось в следующий миг,

никто из них не предвидел. Волна холода прошла по залу «Горицвета», превращая все в лед, и ничто живое не могло устоять перед приходом ледяной королевы, которая явилась за своей дочерью.

…Некогда три мира существовали отдельно – то были миры людей, дьюсов и фаэ. Они мало походили друг на друга и пересекались лишь изредка, быть может, не чаще одного раза в тысячу лет.

Но однажды Некто решил, что три мира – это слишком много, и объединил их в один. С тех пор люди, дьюсы и фаэ вынуждены делить на троих все то, что раньше каждый считал собственным. Их жизнь превратилась в вечную битву.

Дьюсы, впрочем, довольно быстро стали сдавать позиции.

А вот фаэ собирались драться до конца…

– Остановись! – сказал Теймар Парцелл, и у его голоса откуда-то появилось странное эхо, как будто сразу два человека говорили в унисон. – Зачем ты убиваешь нас? Ведь все можно решить миром.

Мертвая тишина вокруг наполнилась звоном – каждая вещь, превращенная в лед, вторила голосу королевы ледяных и снежных фаэ, который человеческое ухо расслышать бы не сумело.

– Верните ее, – сказала королева. – Она ушла, она пропала, потерялась в вашем мертвом мире, где покоренные дьюсы каждый миг взывают о помощи. Отдайте ее мне!

– Пусть она сама решит! – бесстрашно заявил Парцелл, и звон стал таким громким, что люди едва не оглохли. – Пусть выберет, с кем остаться!

– Она моя. Она…

– Дай ей выбрать! – крикнул грешник, и его второй голос на мгновение заглушил первый. – Создатель объединил когда-то наши миры, потому что между нами

все-таки есть нечто общее, и это только свобода воли! Ты не можешь…

– Молчи. Молчите оба – ты и твой дьюс. Вам ли говорить о свободе? Нет. Нет. Если хочешь разделить их – раздели, оставь человека себе, но ее отдай. Прямо сейчас!

– Разделить… – пробормотал Теймар и резко повернулся к Ивер, которая стояла поодаль, вцепившись в загривок снежного волка и с трудом сдерживаясь, чтобы не заплакать. Она выглядела маленькой и беззащитной, хотя и оставалась все такой же прозрачной, как раньше. – Конечно же!

Он протянул руку и стал рисовать печать – каждое его движение оставляло в воздухе золотистый след, видимый вполне отчетливо дьюсами и фаэ, но не людьми. Печать выходила сложная, но этого следовало ожидать: ведь каждую линию, что связывала Ивер с духом льда, однажды вселившимся в ее тело, следовало отразить в рисунке и обратить в собственную противоположность. Лишь тогда их можно будет разделить, лишь тогда все они спасутся…

– Быстрее, двуликий!

Оставался всего один штрих.

Ивер доверчиво смотрела на него широко открытыми глазами, а стоявшие позади люди боялись даже дышать. Он поднял руку, чтобы завершить работу, но что-то мешало сделать это, что-то недосказанное, забытое.

– Карел! – сказал Парцелл. – Твоя книга о медицине… Она ведь не уничтожена.

– Конечно, уничтожена… – неуверенно проговорил бывший лекарь. – О чем ты…

– Это был не вопрос. Твой талант и твои воспоминания украли вовсе не кристаллы-ловушки в рудниках Дальних рубежей. Их украла она, едва появившись на свет. А потом принялась поглощать остальные книги в библиотеке, но к тому времени, когда печатники решили все сжечь, уже находилась снаружи!

– Почему ты так решил? – спросил после недолгой паузы Карел. – Она сгорела.

– Ах, прости, я неточно выразился… Бумага сгорела, конечно же. Но Книга-то осталась в твоей памяти! И восемь лет ей понадобилось для того, чтобы написать себя заново, так? А когда работа была закончена, она стерла и твои воспоминания о прошлом…

– Нет, – сказал бывший лекарь ровным голосом, – она стерла не просто воспоминания, а меня самого вместе с тем миром, где я жил.

– Двуликий, ты пытаешься меня обмануть?! Хватит медлить!

Его протянутая рука вдруг сделалась очень тяжелой, а в кончики пальцев вцепился холод и стал постепенно пробираться все дальше и дальше. До запястья ему поживиться было нечем, но потом началась живая плоть, в которую холод вцепился с восторгом голодного пса.

– И что сейчас делает твоя Книга?

– Поглощает… пожирает… чужие болезни. Любые. Чего ты хочешь, грешник? – Карел взглянул на Парцелла, потом на Ивер и внезапно все понял. – Я не сумею излечить ее, потому что… Разве ты сам не чувствуешь? Сейчас ледяная фаэ делится с ней силами, но на самом деле эта девочка… мертва. Холод убивает быстро, знаешь ли.

Теймар опустил руку, стирая узор.

– Знаю, – сказал он с усталой улыбкой. – Спасибо, Карел. Мэтр Арно, у меня просьба. Вы же видели, сколько печатей на самом деле связывают меня и дьюса?

– Видел, – ответил печатник с таким невозмутимым видом, как будто происходящее его вовсе не пугало. – Всего одна. И чего ты хочешь?

– О-о, сущий пустяк. Я собираюсь сейчас задать Ее Величеству последний вопрос. Если прозвучит «нет»… Снимите эту печать, мэтр!

– Спрашивай, – отозвалась фаэ. – Я устала ждать…

Эпилог

Одинокое облачко брело по бледно-голубому зимнему небу, словно отставшая от стада овечка. Вид у него был очень несчастный, и Ивер не устояла.

– Мне его жалко, – сказала она, надув губы. – Надо что-то сделать!

– Делай, – милостиво согласился Парцелл. – Разрешения спрашиваешь? Помнится, на то, чтобы разбить мой махолет, оно тебе не понадобилось…

Ивер обиженно топнула ногой, а грешник расхохотался. «Ну держись! – пробормотала девочка. – Сейчас я тебе задам!» Из окрестных сугробов тотчас же поднялись высоченные костлявые фигуры, вооруженные изогнутыми саблями, и ринулись на Парцелла, но в шаге от него застыли и рассыпались снежной пылью. Грешник лукаво погрозил Ивер пальцем и указал на облако, которое почти не сдвинулось с места:

– Ну-ка, хватит отлынивать. Взялась за дело – так доводи до конца!

Насупившись, она уставилась на небо – заблудившаяся там «овечка» уже не вызывала никаких чувств, кроме раздражения, – и в этот миг позади них скрипнула дверь.

– Обед готов, – сказала Дженна. За ее спиной маячил Гром. – Вы идете?

– Да-да! – заулыбался Парцелл. – Конечно же! Ивер?

– Я догоню, – проговорила девочка не оборачиваясь. – Я скоро.

– Скажи мне, только честно, – ты блефовал? – Арно испытующе глядел на него, ожидая ответа.

– Что вы, мэтр. Я не умею лгать.

– То есть ты был готов отпустить дьюса на волю, чтобы он сразился с фаэ? Ты был готов купить наши жизни ценой собственной? Я не верю. Так не бывает.

Он вздохнул. Знали бы вы, мэтр, сколько раз подобные разговоры уже происходили в прошлом…

– Можете не верить, если вам от этого легче.

– Хм. Интересно, научился бы я когда-нибудь отличать твою снисходительную вежливость от изощренного издевательства? Ладно, пустое. Я вот что еще хотел узнать…

– Моя очередь, мэтр.

– Что? Ах да. Спрашивай.

– Зачем вы отдали Белле те листочки с печатями?

Воспоминание, яркая вспышка: Симон ведет мастера и его куклу по заснеженному полю, впереди их поджидает махолет. Оба пленника выглядят покорными словно агнцы, но Теймар видит, что кукла прячет в рукаве две тонкие полоски бумаги с нарисованными на них черными знаками. Симон доволен, что выполнил задание повелителя, и даже не догадывается, какой неприятный сюрприз ждет его в скором времени.

– Вы же понимаете, что дали ей в руки оружие?

Старый печатник покачал головой и сокрушенно вздохнул:

– У тебя короткая память, дружище. Я уже говорил однажды, хоть и по другому поводу, что неуч не должен владеть столь прекрасной вещью. Считаешь, я не прав?..

Он замер у порога, глядя на счастливое лицо Дженны. Ее сестра вернулась – пусть и не насовсем, но все-таки вернулась! Уже не в облике полупрозрачной фигуры, невидимой и неосязаемой, а в человеческом обличье, почти такая же,

какой была раньше…

«Спасибо, – только и сумела сказать ему Дженна в ту ночь, когда снежная буря улеглась. – Ты сотворил чудо!»

Ну-у… чудо или нет, но решение было изящным, признаю.

«Помалкивай…»

Эй, не груби! Не то я в следующий раз сам попрошу какого-нибудь мага стереть нашу печать.

«Ну да, ну да. И отправишься в Иномирье умирать от скуки».

Уж найду я себе дело, не переживай…

Ответить дьюсу Теймар не успел: ему в спину врезался увесистый снежок, и тут же раздался веселый смех Ивер. Дженна возмущенно ахнула, но потом тоже рассмеялась, и вскоре хохотали все пятеро – три человека, вселившийся в одного из них дьюс и снежная фаэ, отчего-то пожелавшая остаться в мире людей…

«Пусть она следует за зимой, – сказал Теймар, и королева льда и снега не убила его сразу, позволила продолжить. – Когда в этих краях наступит весна, ты уйдешь дальше на север вместе со своими подданными – и она пойдет за тобой. Но осенью, едва выпадет первый снег, Ивер вернется домой и проведет полгода с сестрой и родителями, которые ей столь же дороги, как и ты. Она не может быть чем-то одним, она должна остаться одновременно и человеком, и фаэ! И ты поймешь это, если в самом деле ее любишь!»

…А на следующий день, когда в небо поднялся махолет, чье крыло целую неделю ремонтировал визенский мастер, смотритель маяка услышал стук в дверь. Удивленно хмыкнув, он пошел открывать – и увидел на пороге девочку-подростка, которую не раз встречал поблизости от маяка в самом начале зимы. Потом говорили, что она пропала без вести во время бури. Что ж, ошиблись…

Или он перепутал?

– Пожалуйста, – сказала девочка очень серьезно, глядя на него снизу вверх, – разрешите мне вам помогать!

Часть II

Спящие

Пролог

Навь

Во тьме раздается серебристый перезвон бубенчиков, а следом – женский смех, громкий и жестокий. За спиной ты ощущаешь чужое присутствие: кто-то переступает с ноги на ногу, зевает, вздыхает, бормочет на непонятном языке слова, чье звучание вызывает дрожь в твоем теле. Там, позади, не люди и не звери, а существа, которым нет названия ни в одном из языков обитаемого мира. Сквозь прорехи в темноте ты видишь шерсть, чешую, копыта, клешни, когти, клыки. И глаза… нет, в эти глаза лучше не смотреть. Когда-то их обладатели были людьми. Когда-то давно.

Давным-давно…

Твари легко могли бы схватить тебя, но почему-то не торопятся. Проходит всего лишь мгновение, и ты оказываешься лицом к лицу с той, кого боишься больше всего на свете. Впрочем, разве ты когда-нибудь видела ее настоящее лицо?..

«Я давно хотела с тобой встретиться, – говорит Черная Хозяйка, и ее глаза по-кошачьи вспыхивают во мраке. – Ты принадлежишь мне, как и все прочие люди и дьюсы в этом городе, но при этом не желаешь подчиниться… смириться со своей

участью… Надеешься убежать? Зря. Барьер невозможно пересечь. Быть может, тебе пора завершить эту затянувшуюся игру и признать поражение?»

Умолкнув, она терпеливо ждет ответа.

Ты молчишь…

Маска надежно хранит тайну, и все же ты чувствуешь, что Черная хозяйка улыбается: ее улыбка сочится ядом с сонным зельем напополам, а каждое безмолвно произнесенное слово летит, будто выпущенная из лука стрела, и попадает точно в цель – в твое сердце. Оно истыкано этими словами-стрелами, как подушка для булавок, и кровь даже не течет, а едва-едва сочится.

«Что ж, я не буду тебя торопить. Ты развлекаешь меня своими бесплодными усилиями и бесцельными метаниями по ночному Эйламу, по нави… Продолжим игру! У нас ведь есть на это время – по крайней мере пока не подрастет твой волк».

Остается лишь обреченно прошептать в ответ: «Продолжим!..»

Маленькое чудовище в твоей груди рычит, когтистой лапой пробует решетку на прочность…

1. Туманное утро в городе у моря

Явь

Тот день начался весьма неудачно.

Еще засветло с вершины Спящего Медведя сползло огромное облако, накрыло западный провал, и к рассвету густой грязновато-белый туман курился над ним, словно пар над кипящим котлом. Все три моста скрылись из вида – их очертания еле-еле угадывались за колышущейся завесой, – и горожанам, желающим

попасть из предместья Мастеровых в квартал Тишины, приходилось пробираться над бездной на ощупь. Им подобное было не в новинку, поэтому рыночные торговцы и рабочие, женщины с большими корзинами и писари из городского совета чинно шли друг за другом, держась за перила и считая шаги. Со стороны казалось, будто люди, миновав арку моста, падают в пропасть.

Фиоре наблюдала за происходящим, стоя поодаль, и размышляла о том, какими словами сейчас Кьяран ругает ее, свою незадачливую помощницу. Если бы вчера хоть что-то предвещало туман, она ни за что не согласилась бы прийти к опекуну так рано, отвоевала бы право появиться в полдень… Впрочем, что теперь сокрушаться? Ее страх – это ее страх, и Кьяран к нему не имеет никакого отношения.

«А ведь сегодня красивый день, – вдруг подумала она и ощутила знакомый зуд в кончиках пальцев. Хотелось побыстрее взяться за кисть. – Спящий не нависает над Эйламом, не давит… Он стал каким-то далеким… прозрачным… призрачным… Кругом одни лишь тонкие линии, будто город превратился в набросок самого себя».

…танцующие серые тени в воздухе, словно тонкие шелковые ленты.

…чьи-то голоса зовут, поют.

…идти за ними опасно, и все же ей хочется сделать именно это.

Где-то по ту сторону провала гулко пробили часы на башне Марвина.

Фиоре, вздрогнув, пришла в себя и машинально одернула рукава – так, чтобы они прикрывали кисти рук почти до кончиков пальцев, испачканных в краске. Этот жест был ее привычкой, ее навязчивой идеей, с которой не пытался бороться даже Кьяран.

– Всего лишь тридцать пять шагов, – вполголоса проговорила она, когда Таэм, приказчик из бакалейной лавки тетушки Ансиль, шустро нырнул в туман, как ныряет в облако быстрокрылая ласточка. Прежде чем исчезнуть, он обернулся, посмотрел на нее и беззвучно произнес: «Трусиха!» – Всего-навсего… нет, не могу. Будь проклята эта гора вместе со всеми своими туманами!

Спящий Медведь, чья окутанная облаками вершина была превосходно видна из любой части Эйлама, не ответил на проклятие, но Фиоре вдруг показалось, что именно сегодня дух горы ее услышал. Мимолетный страх мгновенно уступил место жгучему любопытству: неужели ей удалось хоть на мгновение разбудить древнего фаэ?..

– Дитя, не надо сквернословить! – сварливо отчитала ее проходившая мимо пожилая дама, прятавшаяся от несмелого утреннего солнца под зонтиком из черного кружева. Выражение лица у нее было неприязненное, чему не следовало удивляться: книжная лавка Кьярана и ремесло Фиоре одинаково пугали горожан. – Ты ведь знаешь не хуже меня, на что способен обиженный фаэ. Зачем ссориться с тем, кто в любой миг может проснуться и стереть город с лица земли? Нас, позабытых всеми богами, никто не защитит от его гнева.

– Простите…

Девушка опустила голову и безотчетно потерла свое ключ-кольцо, украшенное изображением птицы, раскинувшей крылья в полете. Этот символ частенько вызывал у нее горькую, злую усмешку: так усмехается обреченный на пожизненное заточение узник, наблюдая сквозь прутья решетки за вольными обитателями небес. Она была в тюрьме далеко не одинока, но от этого не становилось легче.

Дама – Фиоре наконец-то вспомнила, что им доводилось раньше встречаться в лавке Ансиль, – презрительно усмехнулась и начала вещать:

– Посмотри вокруг! – Двое случайных прохожих обернулись, в окне второго этажа показалось чье-то лицо. Девушка почувствовала, как любопытные взгляды устремляются к ней со всех сторон, и невольно ссутулилась. Прятаться было некуда. – Ты видишь, во что превратился Эйлам? В небе больше не летают махолеты, путешественники обходят нас десятой дорогой! Сырость губит дома, болезнь отняла детей, а наши души каждую ночь попадают прямиком в Обитель хаоса… И никто не хочет нам помочь – нас все бросили, даже его светлость Аладоре! Только вам с Кьяраном всё нипочем: он с утра до ночи сидит у себя в лавке, уткнувшись носом в книги, а ты малюешь цветочки на чашках и тарелках! Так ты, мерзавка, решила еще и разбудить Спящего? Хочешь покончить с Эйламом раз и навсегда, так?!

– Вы бредите! – жестко сказала Фиоре, и ее ладони крепко сжались – ногти едва не проткнули кожу. Происходящее до боли напоминало некрасивую сцену, которую месяц назад устроила дочь Кьярана, Сола. – В том, что происходит, нет моей вины! Разве вы не знаете, что…

– Молчи! – перебила дама, рассерженно стукнув по мостовой кончиком потрепанного зонта. – У-у, отродье фаэ… Я тебя насквозь вижу! Отвратительнее тебя может быть только настоящий грешник!

Фиоре не сумела ответить на это, но женщина вдруг отшатнулась, словно увидела что-то страшное, и заторопилась прочь, продолжая бормотать себе под нос – от бессвязных обвинений она постепенно перешла к заурядным ругательствам, а у самой арки моста, должно быть, настал черед площадной брани. «Лет через пятьдесят, – с тоской подумала девушка, – мне исполнится столько же, сколько ей сейчас. Неужели к тому времени ничего не изменится?..»

Черный кружевной зонт растворился в тумане.

– Тридцать пять шагов, – вновь произнесла Фиоре, решив на сей раз и впрямь не тревожить Спящего Медведя проклятиями, от которых все равно толку не было. – Просто положи руку на перила и иди вперед… Не смотри под ноги, не глазей по сторонам… А если сделать это побыстрее, то…

Она вдруг преисполнилась решимости и ринулась на штурм.

* * *

Провалы изуродовали Эйлам, когда Фиоре было пять лет.

В тот день городу полагалось навсегда исчезнуть с лица земли, потому что с юга вдруг пришло море – водяная стена до самого неба, прожорливая и беспощадная. Эйлам располагался более чем в двух днях пути от побережья, и никому из его жителей даже в страшном сне не могло присниться, что подобное когда-нибудь произойдет; однако один из мудрецов древности не зря говорил, что все в мире зыбко. Теперь-то эйламцы затвердили эту поговорку и даже истолковали ее по-своему: «Все в мире зыбко, и никому не дано знать, что там, где нынче суша, завтра не будут плескаться морские волны».

В детстве Фиоре частенько приставала с расспросами к Кьярану и тетушке Ансиль – сама-то она была очень мала, да к тому же слишком испугалась, чтобы хоть что-нибудь запомнить, – и те охотно рассказывали воспитаннице о великой битве духов тверди и моря, о водяных смерчах и скальных ежах, о явлении призрака великого Марвина-печатника и прочих жутких чудесах. С годами истории становились все невероятнее и приобретали отчетливое сходство с древними легендами о Потопе, но любопытство девочки лишь росло: ей уже не хватало простого повествования об удивительных событиях прошлых лет, ей хотелось понять, что послужило их причиной… а вот это оставалось тайной. «Печатники чего-то учудили, – отмахивался Кьяран всякий раз, когда Фиоре начинала донимать его. – Вечно им неймется. Выпустили, видать, какого-нибудь сильного дьюса, он сиганул в море, переполошил фаэ – и все дела!» Вразумительного объяснения ей так и не удалось добиться, а тетушка Ансиль и вовсе ограничилась советом расспросить обо всем Создателя.

«Да если бы Он меня услышал…» – думала Фиоре, вздыхая.

Пятнадцать лет назад корни горы оказались достаточно крепкими, чтобы удержать наступление враждебной стихии: Эйлам устоял, хотя несколько кварталов все-таки ушло под воду, но и море осталось. Морским фаэ не хватило лишь самой малости до победы, чему стали немым свидетельством три глубокие трещины, прорезавшие лик города, – они шли от новоявленного берега прямиком к подножию Спящего Медведя, словно следы исполинских когтей. Их нельзя было обойти, поэтому уже в первые дни после катастрофы пришлось соорудить временные мосты, а позже – заняться постройкой мостов настоящих, постоянных. Это дело оказалось нелегким: за полтора десятка лет городской совет так и не сумел разобраться с западным провалом, оттого людям, которым нужно было его пересечь, приходилось доверять свою жизнь хлипкому сооружению из досок да веревок. Оно сильно раскачивалось даже на слабом ветру и скрипело так жалобно, что сердце разрывалось. Иногда, особенно во время тумана, ступивший на мост человек мог не добраться до места назначения, поэтому страх Фиоре вовсе не был беспричинным.

Но это лишь самое малое из тех испытаний, что выпали на долю некогда славного города Эйлама.

* * *

Шаг вперед…

Если верить слухам, пятнадцать лет назад по этому мосту первым прошел бродячий кот – зверек столь же бесстрашный, сколь и легкий. Вот и ей сейчас не помешало бы превратиться в кошку.

Главное – не думать о пропасти под ногами.

Еще шаг…

Там, на дне, морские фаэ играют в прятки. Говорят, они ловят тех, кого угораздило оступиться на мосту, и выпивают их души, а тела отдают на корм своим безмозглым питомцам – рыбам и крабам. Фиоре не раз видела, как во тьме провала белеют кости.

Шажочек…

– Все, больше не могу… – прошептала она и остановилась.

Как назло, рядом не оказалось никого, чтобы подбодрить и успокоить девушку. Страх поднялся откуда-то из темных глубин сознания и затопил ее всю без остатка: провал бесконечен, мост никогда не закончится, путь на другую сторону будет длиться целую вечность, и все равно ей туда не добраться… так зачем же идти вперед? «Мне даже до середины не дойти, – подумала Фиоре. – Или это и есть середина?..»

Вновь перед глазами замелькали странные призраки, похожие на летающие шелковые ленты светло-серого цвета. На этот раз их было много, даже слишком много – как будто ее несмелые шаги потревожили целый рой существ, до поры мирно спавших в тумане, и теперь эти существа вознамерились узнать, что за непрошеный гость заявился в их владения.

«Иди к на-ам… – послышались чьи-то голоса. – Сюда-а…»

– А? Что?.. – рассеянно пробормотала девушка. – Я сейчас. Подождите…

Существа в тумане рассмеялись и запели громче, призывнее. Сбоку от моста мелькнула крылатая тень – одна, потом другая. Это были уже не серые ленты, а какие-то крупные создания, чья хищная сущность не вызывала сомнений. «У них огромные крылья… – отрешенно подумала девушка. – У них острые когти…» Вскоре тени слились друг с другом, стали единым существом – огромным, страшным. От этого существа исходил непонятный, какой-то звериный запах, и оно напоминало… медведя.

Разум Фиоре был затуманен, но появление призрачного зверя ее озадачило. Девушка замедлила шаг, потом остановилась, и в тот же миг наваждение исчезло. Она вздрогнула, запоздало испугавшись, огляделась по сторонам – призраков рядом уже не было… Их кто-то спугнул? Совсем рядом скрипнул дощатый настил, раздался удивленный возглас, и на плечо Фиоре легла рука – жесткая и такая тяжелая, будто случайный прохожий был существом из железа, а не из плоти и крови.

– Куда это ты собралась? – спросил незнакомый голос. – Люди не птицы, летать не умеют… Да и погода нынче нелетная, сам проверял. Или ты не человек, а фаэ, дух воздуха?

– Я… – Она почувствовала, что краснеет, и впервые обрадовалась туману, в котором разглядеть что-то дальше собственного носа было почти невозможно. – П-простите… вы не могли бы перевести меня на ту сторону?

– Та сторона – это которая? – добродушно уточнил невидимый собеседник. – Ты стоишь лицом к перилам.

Судя по едва различимому темному силуэту, он был невысокого роста – всего-то на голову выше самой Фиоре – и вообще отличался довольно хрупким телосложением. Больше ничего ей рассмотреть не удалось, если не считать какого-то предмета у него за спиной – должно быть, большого дорожного мешка. Хрипловатый голос незнакомца отчего-то вызывал смутное беспокойство.

Она наугад взмахнула рукой:

– Мне надо туда… вроде бы…

Он рассмеялся и проговорил философским тоном:

– Что ж, если та сторона все-таки окажется не той, я совершу подвиг и еще раз переведу тебя через сей бездонный провал. И не такое бывало. Соизволит ли донна принять мою руку?

Непривычное обращение резануло слух, но зато Фиоре поняла, в чем источник беспокойства: у незнакомца был слабый восточный акцент. «Чужестранец? – подумала она, не веря самой себе. – Первый за… сколько лет?.. Года три, если не больше. Ох, что же теперь будет…»

– Так мы идем? – спросил мужчина, и на этот раз его акцент куда-то подевался.

«Это все туман, – решила девушка. – Мне просто померещилось… а он, должно быть, из какого-нибудь отдаленного предместья и в этом квартале раньше не появлялся». Она вдруг ощутила нетерпение: добраться бы поскорее на ту сторону – туда, где можно будет взглянуть в лицо нежданному спасителю и отблагодарить его! Тут поблизости вновь раздалось протяжно-зовущее «К на-ам…», и Фиоре торопливо схватила своего провожатого за локоть.

Они двинулись вперед.

А потом она поняла, что мост как-то слишком уж долго не заканчивается…

– Как мило! – произнес ее спутник, останавливаясь. В его голосе проскользнули металлические нотки. – Дьюс моста морочит нас, не хочет отпускать. Готов спорить, он проделывал такие штуки и раньше – уж больно хорошо работает. Да-а, тут опасно… – Девушка задрожала от страха. – Когда его построили?

Вот теперь не осталось сомнений в том, что ее догадка верна: он и впрямь оказался чужестранцем. Еле-еле совладав со своим страхом, Фиоре пролепетала:

– П-пятн-надцать лет н-назад…

– Неужели? По виду я дал бы все сорок – он такой ветхий… А пропасть возникла, должно быть, после сильного землетрясения?

От изумления девушка на миг забыла, что им обоим угрожает смерть: вот тебе раз, неужели он проспал полтора десятка лет и ничего не слышал о пришествии моря? В такое трудно было поверить. Фиоре, как и все остальные горожане, не сомневалась, что о нелегкой участи Эйлама знает весь мир.

Точнее – о той стороне медали, которую город мог показать этому миру.

– Все случилось в д-день, когда море п-поглотило земли к югу отсюда, – сказала она. Незнакомец смотрел чуть склонив голову набок; выражение его лица надежно прятала завеса тумана. – Город был спасен лишь благодаря духу горы – хотя этот фаэ сам когда-то заявился в наши края без приглашения, – а мосты строили всем миром сразу после того, как ушла большая вода. Я вообще-то была тогда слишком маленькой и ничего не помню, могу только пересказать то, что слышала от своего опекуна. Там, откуда вы родом, о нас не говорят? Понимаю, мы глухая провинция, но все-таки…

Он, словно не расслышав вопроса, задумчиво пробормотал себе под нос:

– Что ж, теперь понятно, отчего у такого простого сооружения оказался столь сильный дьюс. Если горожане строили его, еще не успев толком прийти в себя после случившегося… Ладно, шутки в сторону. Попробуем успокоить этого упрямца!

Не успела Фиоре испугаться опять, как он опустился на одно колено и правой рукой начертил прямо на досках замысловатый знак, который несколько секунд источал теплое золотистое сияние, а потом ярко вспыхнул и исчез. Тотчас же настил под ногами задрожал, как будто мост превратился в струну, натянутую над пропастью, и девушка решила, что сейчас им обоим придет конец. Она крепко вцепилась в своего спутника – едва ли это могло помочь! – и с тоской подумала о Кьяране и Ансиль, которым уже не суждено было дождаться возвращения своей воспитанницы.

– Ну и дела творятся в славном городе Эйламе! – спокойно и даже весело проговорил незнакомец. Мост опять вздрогнул, и Фиоре еле устояла на ногах. – Сначала мой махолет вдруг отказался лететь сюда, хоть ветер и был попутным. Мне пришлось посадить его на поляне за горой и полночи топать пешком… Устал, сил нет… Теперь еще и это. Что тут происходит, а?

– Т-ты об-безумел? – с трудом проговорила Фиоре. – Откуда мне знать, что происходит?! Я же не печатник!

Мост тряхнуло.

– Нет уж, это вы тут все безумцы, если за пятнадцать лет не додумались обратиться к мастеру печатей, – возразил ее загадочный спутник. – Если в городе такого нету, нужно было позвать кого-то из странствующих магов – этого люда всегда в ваших краях полным-полно. Держать дьюса девятнадцатого уровня на каких-то трех печатях – все равно что посадить волкодава на цепочку от часов. Как он раньше не вырвался на волю, я не понимаю… Осторожно!

Сильная рука обхватила Фиоре за талию; в тот же миг очертания моста, и без того еле различимые, замерцали – он как будто превращался из деревянного в стеклянный. Девушка зажмурилась, чтобы не видеть бездны под ногами.

Наступила тишина…

– Ну вот, теперь все, – сказал незнакомец через некоторое время и шагнул вперед, увлекая за собой Фиоре. Она открыла глаза и осознала, что они каким-то чудом очутились на другой стороне. – Больше этот дьюс не будет доставлять столько хлопот, я обещаю.

Девушка невольно обернулась, чтобы взглянуть на то, о чем говорил ее спутник, да так и застыла, изумленно открыв рот: туман почти рассеялся, а мост… стал другим. Некий умелый мастер заменил прогнившие доски, протянул толстые канаты вместо обветшавших веревок; теперь рукотворная дорога над западным провалом казалась почти новой – крепкой, надежной, и идти по ней было ничуть не страшнее, чем по мостовой.

Конечно, такое не могло остаться незамеченным, и краем глаза Фиоре увидела, что вокруг них быстро собирается толпа удивленных и растерянных горожан. Она вдруг ощутила смущение: вот настал момент, о котором недавно мечталось, вот теперь можно поблагодарить загадочного незнакомца за помощь и за то, что он сделал… но ей почему-то было страшно смотреть ему в глаза. Да и как она отблагодарит мага, мастера-печатника, которого неведомыми путями занесло в Эйлам именно сегодня?..

– Даже не знаю, как мне… – начала Фиоре, оборачиваясь к своему спутнику, и осеклась, увидев его лицо. – О-о, Создатель…

Ее спаситель оказался худощавым мужчиной невысокого роста, темноволосым и бледнокожим. Слишком теплая для середины весны куртка, заправленные в высокие ботинки брюки, летные очки на кожаном ремешке, болтающиеся на шее, – одежда безошибочно выдавала в нем пилота, подтверждая историю о махолете, который пришлось оставить где-то за Спящим Медведем. Все это, впрочем, девушка рассмотрела потом, а поначалу ее взгляд заметался между двумя самыми заметными деталями его внешности.

Правой рукой он удерживал на плече ремень дорожного мешка – и кисть этой руки золотисто поблескивала в лучах солнца. Точно так же блестели его глаза – сплошь золотые, без белков и зрачков. Неживые, ненастоящие.

Это был именно тот, о ком говорила дама с зонтиком, это был…

– Грешник! – произнес кто-то поблизости. Фиоре, сглотнув комок в горле, с трудом подавила желание повернуться и убежать без оглядки. – Ну ты глянь, настоящий… Продажная душа! Отступник! Нелюдь!

Незнакомец криво улыбнулся, но ничего не сказал. Тут из толпы, которая все росла и росла, выбрался низенький полноватый человек лет пятидесяти – Эльер, торговец и член городского совета, один из самых уважаемых людей в квартале Тишины.

– Тебе следует немедленно покинуть Эйлам, – сказал он, сурово хмуря брови. – У нас живут лишь те, кто строго следует заповедям Создателя, особенно той, которая требует не менять…

– Собственное тело, да, – перебил грешник. – Вижу, за послушание Создатель отблагодарил вас немного… своеобразно.

Толпа загудела, словно рассерженный пчелиный рой.

– Чужестранец, не играй с огнем! – предупредил Эльер, мрачнея пуще прежнего. – Происходящее здесь тебя не касается. За помощь спасибо,

конечно, – так вот, считай, что мы тебе отплатили, разрешив убраться подобру-поздорову. Такой шанс выпадает нечасто… если бы не мост… В общем, я бы на твоем месте поторопился.

Грешник покачал головой:

– Каждый из нас на положенном месте. Я вижу перед собой почтенного человека, которому здешние жители безоговорочно доверяют… так? Этот многоуважаемый горожанин, в свою очередь, глядит сейчас на того, кто пришел в славный город Эйлам по делу, а вовсе не свалился с неба. В общем, – он улыбнулся, – я не уйду, пока не получу то, что мне нужно.

– И что же тебе нужно, нелюдь?! – выкрикнул кто-то. – Наши души? Так они уже нам не принадлежат!

– Нет. – Золотоглазый ненадолго умолк, и собравшиеся вокруг горожане тоже притихли – всем захотелось услышать, что он ответит. – Я случайно узнал, что лет двадцать назад в Эйламе происходили странные вещи… Теперь, правда, у вас чудеса творятся на каждом шагу… И я хочу разобраться, что тут приключилось. Я хочу вам помочь.

«Двадцать лет? – растерянно подумала Фиоре. – О чем он?..»

– О каких странных вещах ты говоришь? – спросил Эльер изменившимся голосом.

– О снах, – ответил грешник. – И о тех, кто не смог проснуться.

Вот теперь стало по-настоящему тихо. Никто из горожан не ожидал такого поворота – ни те, кому не терпелось намять бока нарушителю заповеди, ни те, кто просто намеревался понаблюдать за расправой со стороны и поразвлечься на свой лад. Им всем вдруг показалось, что от худощавой фигуры с дорожным мешком за спиной веет странной силой – это чувство настораживало и пугало даже смельчаков, которым нипочем были спуск на дно провала или встреча лицом к лицу с тем существом, что правило Эйламом по ночам. Что до Фиоре, по-прежнему остававшейся в шаге от грешника, то она уже не боялась.

По крайней мере, почти не боялась…

– Откуда ты узнал? – спросила девушка и невольно вздрогнула, ощутив его золотой взгляд. – Ведь никто из посвященных в эту тайну не смог покинуть Эйлам!

– Вероятно, кое-кто все же вырвался на волю. – Помедлив, он прибавил: – Иначе бы меня здесь не было.

«И меня, – мысленно проговорила Фиоре. – Я была бы сейчас на дне провала».

– Постойте-ка! – Эльер наконец-то нашел в себе силы заговорить и вмешался. – Вижу, нынешнее утро выдалось необычным во всех смыслах. О снах не говорят на улице, поэтому… Вот уж не гадал, что доживу до такого… Я приглашаю тебя к себе домой, грешник. Там и побеседуем. – Золотоглазый молча кивнул. – Фиоре, ты тоже пойдешь, расскажешь, что случилось на мосту!

«Прости, Кьяран, – подумала она. – Придется тебе самому начать уборку…»

* * *

– Меня зовут Теймар Парцелл, – сказал грешник. – Можно просто Теймар.

В комнату для гостей Эльер их не позвал, ограничился кухней – впрочем, достаточно чистой и просторной. Его служанка, сердито ворча и поглядывая на Теймара с нескрываемой враждебностью, убрала со стола и сама убралась восвояси. Теперь все трое сидели и выжидающе смотрели друг на друга: Эльер был мрачнее тучи, физиономия грешника не выражала никаких эмоций, а Фиоре все никак не могла определиться между робостью и любопытством – первая заставляла ее все время отводить взгляд, а второе, наоборот, вынуждало рассматривать странного гостя, подмечая каждую деталь, каждую мелочь.

Ей даже захотелось нарисовать его портрет…

– Откуда ты взялся? – спросил Эльер, и прозвучали эти слова не очень-то приветливо. – Как ты узнал о нашей беде то, чего не может знать никто за пределами Эйлама?

– Все довольно просто, – раздалось в ответ. – Я путешествую по миру, знакомлюсь с разными людьми… и не только с людьми. Этой зимой со мной приключилась интересная история, о которой можно рассказать позже – она к делу не относится, – и одним из ее участников оказался уроженец Эйлама. Он покинул город около семнадцати лет назад, но сохранил одно воспоминание, заинтересовавшее меня, – о женщине, которая погрузилась в сон, подобный смерти, и очутилась в некоем загадочном месте…

– Постой! – перебил грешника хозяин, растерянно хмурясь. – Это точно была женщина? Взрослая?

– Мой друг говорил, она была женой торговца, – сказал Теймар. – Сам он тоже недолгое время провел в мире снов, но смог вернуться обратно. Собственно, это все, что он мне рассказал.

Фиоре вздрогнула: ей вдруг показалось, что грешник солгал.

– Вот оно как… – протянул Эльер, откидываясь на спинку стула. – Хм… ну и задал ты мне задачку, Теймар Парцелл. Скажи, а ты ничего больше о нашем городе не слыхал… необычного?

– Нет.

– Даже о пришествии моря? Наверное, ты взял с собой в полет старую карту…

Золотые глаза сверкнули, на тонких губах появилась улыбка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/osoyanu_nataliya/pervaya-pechat

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити